

Новый Устав Союза писателей

Вчера Второй всесоюзный съезд советских писателей единодушно принял новый Устав Союза писателей СССР. В нем нашли свое отражение неизмеримо возросшие задачи нашей литературы, ее благородная роль в борьбе за построение коммунизма, за мир и дружбу между народами.

Ранее действовавший Устав Союза писателей, как известно, был разработан при ближайшем участии А. М. Горького и принят на Первом съезде писателей двадцать лет тому назад. В нем были сформулированы политические и литературно-творческие цели, которые ставил перед собою Союз писателей.

Создание Союза советских писателей явилось актом большого политического и литературного значения. Были объединены в единую творческую организацию кадры литераторов, стоявших на платформе советской власти. От того, что объединение это полностью оправдало себя, свидетельствуют несомненные успехи нашей многонациональной литературы.

«В решении почетных и ответственных задач, стоящих перед советской литературой», — говорится в приветствии ЦК КПСС Второму съезду писателей, — «важное значение имеет деятельность Союза писателей, который за истечение 20 лет превратился в мощную общественную организацию, построенную на принципах коллективного руководства, сплачивающую все творческие силы литераторов, партийных и беспартийных».

За прошедшие двадцатилетия в жизни Советского Союза произошли огромные изменения. Выросла страна. Выросли люди. Построив социализм, грудью отстояв его в сражении Великой Отечественной войны, наш народ упорным трудом возводит светлое здание коммунистического общества.

Необходимость приближения Устава Союза писателей к новым требованиям нашей действительности, потребность в более четкой структуре органов Союза писателей вызвали необходимость уточнения и изменения ряда пунктов и положений Устава.

В условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму, сказано в новом Уставе, неизмеримо возрастает общественно-педагогическая и воспитательная роль советской художественной литературы.

Устав подчеркивает, что советская литература призвана в высокой художественной форме раскрывать красоту и величие идей коммунизма, действительно бороться с пережитками капитализма в сознании людей, воплощать в образах своих героев все многообразие их трудовой деятельности, общественной и личной жизни, смело показывать жизненные противоречия и конфликты. Советская литература не только отражает новое, но и всемерно помогает его победить.

Наш художник не созерцатель, не безличный копист — он страстный борец за новое. «Лишь владея огнем в собственной душе, возможно зажечь чужую душу», — образно выразил это Леонид Леонов, докладчик на съезде о проекте нового Устава. И разве лучшие произведения нашей литературы, воспевающие сердца миллионов читателей — строители коммунизма, борцы за новое, — не свидетельствуют этому?

В новом Уставе сформулированы основные требования к советской художественной литературе: со всей революционной страстью воспитывать патристические чувства советских людей; укреплять дружбу между народами; содействовать дальнейшему сплочению могучего лагеря мира, демократии и социализма; утверждать идеи пролетарского интернационализма и братской солидарности трудящихся. Важной задачей Союза писателей является активное участие его членов в борьбе за мир, в борьбе с вражеской идеологией, с национальной и расовой враждой во всех ее проявлениях.

Новый Устав признает всех советских писателей, продолжающих традиции классической русской литературы, литературу братских народов СССР, а также мировой литературы, творчески овладевая марксизмом-ленинизмом, позволяющим видеть во всей сложности и полноте подлинную правду жизни, совершенствовать и углублять метод социалистического реализма. В современных условиях этот метод помогает писателю всемерно содействовать дальнейшему подъему творческих сил со-

ветского народа, преодоление трудностей и препятствий на пути к коммунизму.

Предоставляя писателю безграничные возможности для проявления творческой инициативы, предполагаемая богатство и разнообразие художественных средств и стилей, поддерживая подлинное новаторство во всех областях творчества, социалистический реализм требует от художников неустанной заботы о повышении своего мастерства. Углубленная теоретическая разработка творческих проблем социалистического реализма поможет борьбе с идеологическими извращениями, обеспечит советской литературе еще более действенное, еще более плодотворное служение своему народу.

Об этих задачах не раз говорила партия в своих решениях, посвященных советской литературе и искусству; эти задачи указаны в приветствии Центрального Комитета партии Второму съезду писателей.

В приветствии подчеркнута необходимость воспитания литературной смен. Выполнение этой, одной из важнейших задач Союза советских писателей обогатит отечественную литературу молодыми талантами. Забота о воспитании литературной смены, передача молодым авторам творческого опыта писателей и критиков старшего поколения — святая обязанность каждого члена Союза писателей СССР.

В новом Уставе записано, что Союз писателей должен способствовать творческому соревнованию писателей, содействовать всестороннему развитию форм, стилей и жанров советской литературы в зависимости от индивидуальных дарований. Не случайно в Уставе отмечена необходимость проведения свободных творческих дискуссий. Дискуссии, которые велись в литературных организациях и на страницах нашей печати в период подготовки ко Второму съезду, вызвали большой интерес литераторов общественности и широкого читателя, дали материал для выработки новых форм работы.

Создание благоприятной творческой обстановки внутри писательской организации, деловая помощь литераторам в расширении постоянных и глубоких связей с действительностью — одна из важных задач Союза. Член Союза писателей СССР обязан всей своей творческой и общественной деятельностью соответствовать высокому званию советского писателя, инженера человеческого духа.

В новом Уставе отражены повышенные требования к членам Союза писателей. Выступающий в его рядах должен иметь литературно-художественные произведения или литературно-критические труды, опубликованные в печати и имеющие самостоятельное художественное, а в отношении критических работ — самостоятельное научное значение. Писатели, которые рекомендуют молодого литератора в Союз, должны лично принять участие в заседании писательской организации, решающей вопрос о приеме. Наконец, вручение единого членского билета вновь принятому члену Союза на заседании президиума правления ССП СССР должно сопровождать этот момент в торжественный, запоминающийся для молодого литератора на всю жизнь акт.

Институт кандидатов в члены ССП ликвидируется, как не оправдавший себя. Действительно, что, собственно, означает формула «кандидат в писатели»? Среди нынешних кандидатов в члены ССП СССР есть лица, которые, выступив чуть ли не двадцать лет назад свою первую книгу, так и не написали второй. В то же время «ходят в кандидатах» люди, активно работающие в литературе, показавшие рост своего мастерства.

В разделе Устава «Организационное построение Союза писателей СССР» учтены многочисленные пожелания литераторов, направленные на улучшение работы Союза. Большая организационная четкость, большая коллективность и коллегиальность в руководстве литературным движением в стране, изменение тех организационных форм, которые вызваны изменениями в самой нашей жизни, — все это нашло отражение в новом Уставе.

Принятый Второй съездом новый Устав Союза писателей СССР призван активизировать деятельность всех писательских организаций, направить их усилия на решение творческих вопросов. Неуклонное выполнение требований Устава каждым членом Союза писателей поможет выполнить те большие задачи, которые ставит перед нашей литературой партия и народ.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 159 (3343)

Воскресенье, 26 декабря 1954 г.

Цена 40 коп.

ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Речь ЛИ ГИ ЕНА КОРЕЙСКАЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Уважаемые товарищи советские писатели! От имени Союза корейских писателей и миллионов читателей Кореи разрешите мне передать съезду наши сердечные приветствия и поздравления. (Бурные аплодисменты).

Советская литература, как яркий маяк, освещает путь развития современной корейской литературы.

После освобождения Кореи прошло только 9 лет. Это не очень большой срок для развития демократической национальной литературы. Но за этот короткий срок мы добились в идейном и художественном отношении больших успехов.

За период, истекший после освобождения Кореи, в нашей стране издано свыше 8 миллионов экземпляров книг советской литературы в переводе на корейский язык.

Эти книги сыграли исключительно важную роль как в идейном воспитании корейского народа, в борьбе за демократическое строительство, так и в Отечественной войне корейского народа против агрессора. С другой стороны, они в значительной мере помогли писателям в изучении лучших достижений советской литературы.

Корейская литература в период мирного строительства охватывает, главным образом, следующие темы: осуществление демократических преобразований, строительство новой жизни, борьба нового со старым, борьба за объединение родины, против американских империалистов и предательской клики Ли Сын Мана, национально-освободительная борьба корейского народа в прошлые годы, особенно освободительная партизанская борьба под руководством товарища Ким Ир Сена, международная солидарность и дружба Кореи с СССР и другие темы.

Во время освободительной Отечественной войны корейским писателями много писано добровольно ушли на фронт, многие из последних военных корреспондентов стали настоящими бойцами, вели боевую жизнь, были свидетелями беспримерного мужества и героизма нашего народа.

Поэт Те Ги Чен и многие другие писатели в расцвете творческих сил нашли смерть храбрых, сражаясь вместе с воинами Народной армии против американских захватчиков. И сейчас служат для нас символом мужества и беззаветного служения народу имена этих товарищей, мужественно отдавших свою жизнь в борьбе за свободу и национальную независимость родины.

Книги советских писателей в дни Отечественной войны были для корейского народа самыми близкими и верными друзьями. Многие юные партизаны, действовавшие в районах, временно оккупированных врагами, в дни стратегического отступления Народной армии, следуя примеру героев «Молодой гвардии», с гордостью называли свой партизанский отряд «Молодой гвардией». Юные патриоты уезда Андю организовали свой партизанский отряд в деревне, где находились враги, и наносили значительный ущерб американским оккупантам, взрывая склады горючего и мосты.

Когда один из партизан был схвачен во время выполнения задания и американские звери, жестоко пытая юного патриота, спросили, кто им руководит, он ответил: «Нам руководит наша Трудовая партия и «Молодая гвардия» Фадеева».

В дни освободительной Отечественной войны создавались прекрасные произведения, появилось много стихотворений, воспевающих патристическую борьбу корейского народа. Следует назвать сборник стихов Те Ги Чена «Корея сражается», поэму Мин Бен Гюна «Равнина Орион», сборники стихов Ким Сун Сека «Земля героев» и Ким Те Гю «Среди этих людей», а также сборник стихов Хон Сун Чера «Слава вам», в которых воспеваются нерушимая братская дружба Кореи с Китаем и благородный дух интернационализма китайского народа, приславшего своих лучших сыновей и дочерей на Корейский фронт.

В дни войны в области прозы были созданы такие произведения, как первая часть трилогии Хан Сер Я «Тадонган», где

изображена подпольная борьба жителей Хвёнъяна в период временной его оккупации, и повесть «Шакалы», рассказывающая о том, как американцы под маской миссионеров коварно и жестоко притесняли и угнетали корейский народ. Повесть Хван Гена «Счастье» раскрывает светлый, умный и оптимистический облик нашей молодежи, которая познает счастье, служа родине в жестоком огне войны. Повесть Чен Се Бона «Люди сражающейся деревни» изображает героическую борьбу крестьян в оккупированных врагом районах. Не менее примечательны рассказы «На реках» Ли Дон Мина, «Первый снег» Бен Хи Гына и другие.

Однако в дни войны не было создано больших эпических произведений, охватывающих весь огромный масштаб Отечественной войны, все ее историческое значение, — произведений, художественно обобщающих лучшие традиции и черты народо-строителя, народо-бойца.

Эта задача стоит теперь перед корейской литературой послевоенного периода. Иные насущная задача писателей — показать героев, закаленных в огне освободительной войны, вернувшихся к мирному труду на заводы и фабрики, в деревню и рыбачье поселки, показать созидательный труд народных масс.

За короткий срок, прошедший после заключения перемирия, создано и создается много новых произведений, отражающих послевоенное восстановление и строительство.

К числу таких произведений можно отнести вторую часть трилогии «Тадонган» — «Начатки Освобождения» Хан Сер Я, поэму «Мать» Хон Сун Чера, «Песнь Кореи» поэта Мин Бен Гюна, мой роман «Туманган» и другие.

Уважаемые товарищи! В послевоенный период перед корейскими писателями стоит славная и почетная задача — поднять и воодушевить весь наш народ на героическую борьбу за укрепление демократической базы страны, во имя достижения мирного объединения родины.

Моя выражаю уверенность, что успехи советской литературы, которым подводит итог на этом съезде, окажут свое положительное влияние на дальнейшее развитие национальной литературы Кореи. (Аплодисменты).

Нет сомнения, что корейский народ в послевоенном восстановлении и строительстве народного хозяйства, в борьбе за мирное воссоединение своей родины добьется таких же замечательных успехов, каких достиг в священной Отечественной войне против американских интервентов. Нет сомнения, что наши корейские писатели с честью выполнят те благородные задачи, которые ставят перед нами партия и народ. (Аплодисменты).

Пусть крепнет и развивается братская дружба между корейскими писателями и писателями всего прогрессивного мира во главе с великим Советским Союзом! (Продолжительные аплодисменты).

Слава советским литераторам, высоко несущим знамя мира и прогресса к победе коммунизма! (Аплодисменты).

Мы, корейские писатели, горим желанием еще звонче воспеть сдержанную кровью вечную дружбу и любовь корейского и советского народов. Мы предположим, что вы, товарищи, вышлите любезно народную, вам, советским писателям, нашим учителям и боевым друзьям по перу. Дорогие товарищи! Мы принесли сюда также книги советских писателей. Эти книги мы издавали на нашем родном языке в самые тяжелые годы войны, под гнетом пули, под разрывами бомб, невзирая на голод и холод. Их читали в холодных окопах, на подземных заводах, на голых полях, потому что они согревали сердца, приносили свет, укрепляли веру в победу нашего правого дела.

Все в нашей стране — и родные горы, и леса, и веселое летнее птиц, и мирное журчание рек корейской земли — все пронизано благодарности Советскому Союзу! (Продолжительные аплодисменты).

Все встают и приветствуют корейских товарищей, которые передают в президиум знамя и подарки).

Речь Жоржи АМАДУ БРАЗИЛИЯ

Дорогие друзья! Разрешите мне прежде всего приветствовать вас от имени ваших бразильских читателей, простых рабочих — мужчин и женщин; трудящихся, живущих в далекой стране, на другом конце мира, за морями и за горами, — читателей, до которых вы донесли в своих романах и поэмах чувство родины, мысли и души советских людей. Ваши книги пришли к нам, преодолели огромные пространства, и явились великодушным средством для укрепления братской дружбы, существующей между нашими народами. Ваша литература раскрыла перед бразильскими читателями радость жизни и страстного творчества, суровые испытания трудной, но величественной борьбы, сознательный и целеустремленный труд. В ваших книгах перед нами предстало величие нашей Родины — надежды и будущего человечества. (Аплодисменты).

Разрешите мне также поздравить вас от имени писателей-коммунистов Бразилии, от тех, кто учился у Максима Горького и Владимира Маяковского чувству понимания миссии писателя. Создатель вашей литературы показал нам, каковы ответственность и долг писателей рабочего класса. Коммунисты — писатели и художники Бразилии, следуя вашему примеру, стараются овладеть методом социалистического реализма и применить его в своих произведениях. Это совсем не легкая задача для писателя, происходящего в большинстве своем из мелкой буржуазии. Это долгий и иногда болезненный процесс.

Эти писатели своими последними произведениями углубили и расширили нашу литературу, представили наиболее точную и полную картину жизни нашей страны, осветили наиболее животрепещущие проблемы положения и борьбы народа, а также выразили чувства и стремления бразильца. Эта литература уже не довольствуется драматическим изображением страшных условий жизни трудового народа, она раскрывает причины столь жестокой действительности, разоблачает виновных и воспекает суровую борьбу лучших сынов народа за изменение коренных условий жизни, борьбу за победу над голодом и нищетой, за уничтожение иностранного угнетения и эксплуатации трудящихся города и деревни, за создание свободной и счастливой Бразилии. (Аплодисменты).

Писатели-коммунисты своими произведениями последних лет внесли в бразильскую литературу струю оптимизма; они добавили к реализму описаний тяжелых жизненных условий романтизм борьбы, фидолающийся на фабриках и плантациях, фидолающийся, как морской вал перед бурей, и распространяющийся по всей стране.

Рассказывая вам о молодой литературе поэтов и прозаиков — коммунистов Бразилии, я должен назвать вам имена Альфонсо Шмита, Флориано Гонсалеса, Лилы Риполы, Дельсидо Журандира, Алены Пау, Жамес Амаду, Россини Камаро, Гуарнери, Бернардо Эллис, крупного сатирика Апарисию Торелли, знаменитого барона Итараре, Астрожилью Перейра — старейших писателей нашей партии и многих других.

Писателям-коммунистам Бразилии надо всегда помнить, что литература социалистического реализма является социалистической по содержанию и национальной по форме. Проблема национальной формы является основной нашей проблемой, так как в противном случае наши книги не были бы бразильскими и мы захлебнулись бы в бессмысленном левачестве, в космополитизме. Для того, чтобы наши книги — романы или поэзия — могли служить делу революции, они должны быть прежде всего бразильскими; в этом заключается их способность быть интернациональными.

Однако существуют литературные сектанты, утверждая, что герои наших произведений должны быть по существу копиями наших героев и что, ввиду того, что все наши поэты пользуются рифмами и определенными размерами стиха, поэзия свободного, белого стиха, столь часто используемая нашими поэтами, должна быть уничтожена, как форма, далекая от социалистического реализма. Они предлагают это, как будто наша действительность является точной копией нашей, как будто одно и то же представляют собой Советский Союз, страна победившего социализма, строящая коммунизм, и Бразилия — полуфеодалная, зависимая страна, где народ борется за аграрную и антиимпериалистическую революцию, за народно-демократический строй.

Эти сектанты путают метод социалистического реализма с литературной школой, по типу тех, что в большом количестве возникли после первой мировой войны, считают его какой-то формулой или схемой, существующей для создания всех романов, картин, скульптур, пьес и фильмов. В своем глубоком и губительном заблуждении они призывают к уничтожению конфликта и проблем, забывая о том, что революционная борьба рабочего класса отражается на всей жизни страны и народа, влияет на нее и именно во всей сложности этого влияния может быть показана

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:
ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. Выступления участников съезда. Речь Ли Ги Ена, Жоржи Амаду (1 стр.), М. Шолохова, А. Венцловы, академ. В. Виноградова, Ата Салиха (2 стр.), Г. Николаевой, Д. Благого, А. Каравасной, заявление Ф. Гладкова, речь С. Голубова (3 стр.), речи Мехти Гусейна, В. Собко, М. Турсун-заде, академ. А. Топчиева (4 стр.), Г. Леонидзе, В. Кочетова, Р. Гамзатова, Мариэтты Шагинян (5 стр.), Н. Балдано, К. Федина (6 стр.).

наша действительность в движении, в развитии.

Эта путаница метода и школы, метода и схем ведет к тому, что из произведений литературы и искусства устраниваются все сложности человеческой жизни, ведет к обеднению стиля, и литература становится сухой и бесплодной. В результате в некоторых наших поэмах чувства и переживания людей заменяются повторением журнальных и газетных терминов. Ясно, что в таких произведениях нет никакой поэзии, а что касается публицистических фраз, то их лучше читать в журналах, где они находят более удачное применение.

В итоге этих заблуждений появлялась тенденция, ведущая к обеднению чувств. Человеческие чувства сектанты считают недостаточными изображения в поэзии и романах, на чувства, вечно присущие человеку, чувства, без которых жизнь невозможна, подобные сектанты смотрят подозрительно. Для них любовь, например, — я говорю о любви между мужчиной и женщиной, — является отвратительным, безнравственным обычаем, пресущим разложившейся крупной буржуазии. (Смех).

Значение вашего съезда для развития писательско-коммунистов Бразилии, так же как и прогрессивных писателей всего мира, — огромно. Каждое слово, произнесенное с этой трибуны советским писателем, найдет отклик у тысяч писателей самых различных стран еще и потому, что ваш съезд, — я констатирую это с радостью, — продолжает борьбу против схематизма, механистических концепций, ненужных ограничений. Такова, как мне кажется, наиболее яркая черта вашего съезда. (Аплодисменты).

Бразильский народ поднимается против политики подготовки войны, против политического, экономического и культурного угнетения со стороны американского империализма. Наш народ начал создавать демократический фронт национального освобождения, фронт, целью которого является освобождение нашей родины, изгнание североамериканских угнетателей, уничтожение остатков феодализма и создание народно-демократического строя, во главе с правительством национального освобождения. (Аплодисменты).

Такой же фронт создается среди писателей, объединяя вокруг дела защиты национального своеобразия бразильской литературы и ее развития всех прогрессивных писателей, патриотов, друзей мира, всех тех, кто независимо от различий в политических, философских или эстетических воззрениях хочет помешать третьей мировой войне.

Наша культура и литература разделены в настоящий момент на два лагеря. Один из них — прогрессивный, объединяющий силы, призванные создать демократический фронт народного освобождения; другой лагерь — лагерь реакционеров, служащих американскому империализму и его приспешникам в Бразилии. Поэтому было бы чрезвычайно опасно считать социалистический реализм водоразделом. Такое сектантское понимание привело бы к изоляции писателей-коммунистов, уничтожению их влияния на остальных писателей и интеллигенцию.

Необходимо ясно понять, что в нынешних политических условиях в Бразилии положительными и заслуживающими нашей поддержки являются не только программы, в которых проявляются черты метода социалистического реализма. Любое произведение литературы, скульптуры, театра, кино, созданное силами, близкими рабочему классу, во имя победы бразильской революции, представляющее собой явление положительное и содействующее прогрессу нашего народа.

Долг писателей-коммунистов — добиваться того, чтобы содержание таких произведений становилось все более прогрессивным и передовым; они должны стоять впереди всех писателей, людей искусства, интеллигенции, они должны быть самыми активными организаторами демократического фронта бразильской интеллигенции.

Дорогие друзья, мастера советской литературы, любящие братья! Приветствуя вас, я хотел рассказать вам о некоторых проблемах, волнующих писателей моей страны, потому что я знаю, что Советский Союз — это родина человеческого братства и поэтому любая проблема любой страны небезразлична вашему великому и непобедимому народу. (Аплодисменты).

Приветствую вас, я хочу с любовью и уважением приветствовать весь ваш великий народ и вашу славную Коммунистическую партию, возрастившую вас, вооружившую вас силой и сознанием, необходимыми для построения чудесной действительности, отраженной в вашей литературе, являющейся столь мощным оружием в руках народов всего мира в их борьбе за будущее. (Аплодисменты).

Приветствую вас, дорогие товарищи и братья, и желаю вам больших успехов, желаю вам, чтобы и впредь ваши книги освещали наш путь. (Продолжительные аплодисменты).

Приезд в Москву японских писателей

В Москву, по приглашению Союза советских писателей, прибыли японские писатели Иваками Дзюнити и Токунага Сунао.

Литераторов Японии встречали представители писательской общественности столицы.

ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. На снимках (слева с Корнеем Чуковскийм.

направо): 1. В зале заседаний. 2. Индийский писатель Ходжа Ахмед Аббас беседует с Фото М. Альперта и В. Леонова

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Речь М. ШОЛОХОВА

Старая народная поговорка, давно родившаяся там, где бурлят стремительные горные потоки, говорит: «Только мелкие реки шумливы».

Отменили собрания областных и краевых писательских организаций, собрания, наполненные острой полемикой, заторными речами. Республиканские съезды прошли на более сдержанном уровне, а вот наш Всесоюзный съезд, подлинной огромной реке, вобравшей в себя множество больших и малых притоков, протекает прямо-таки величаво, но, на мой взгляд, в нехорошем спокойствии. (Аплодисменты).

Бесстрастные лица докладчиков, академически строгие доклады, тщательно отполированные выступления большинства наших писателей, и даже наиболее запальчивая в отношении полемике часть литераторов, я говорю о женщинах — писательницах и поэтах, за редким исключением, пребывает на съезде в безмолвии. То ли наши агрессивные и дорогие соратники по перу уже выгорели на собраниях и теперь находятся в атакном творческом изнеможении, то ли копят новые силы для нового взрыва к концу съезда? Разве их поймаешь, этих женщин, хоть они и писательницы по профессии? Никак не поймаешь. По крайней мере, я не понимаю.

Следует седьмой день съезда, но обстановки остается прежней. Некоторое оживление наблюдается только после выступления В. Овечкина. Неужели все вопросы, которые волновали нас в течение двадцати лет, уже решены и нам остается только побить топора достижениям и надеждам за это время? Или же, наоборот, мы устали от этих ошибок и единогласно приняли новый устав, со спокойной душой взявшись за перо? Едва ли это так.

Мне не хотелось бы нарушать царящего на съезде классического спокойствия, омраченного всего лишь двумя-тремя выступлениями, но все же разрешите сказать то, что я думаю о нашей литературе, и хоть коротко поговорить о том, что не может не волновать нас всех.

Здесь много говорили и о наших общих достижениях. Спорят, достигли ли мы многозначительной победы в литературе за два десятилетия деятельности действительно великой. Вопли в строю немало талантливых писателей. Но при всем этом остается самым беднейшим критическим инструментом, посредственной литературой, который последние годы хлещет со страниц журналов и наводняет книжный рынок. (Аплодисменты).

Нора преградить дорогу этому мутному потоку, общими усилиями создав против него надежную плотину, иначе нас грозит потеря того уважения наших читателей, которое немалыми трудами серьезных литераторов завоевывалось на протяжении многих лет.

Это, конечно, ни в коем случае не относится к тем молодым силам, которые выдвигаются в литературу и растут от книги к книге, а к тем, уже известным, кто, потеряв уважение к своему труду и к читателю, упадает на борюды, в конце концов, превращается из мастеров в ремесленников.

В самом деле, что же произошло за последние годы, если понимать под ними время, истекшее со дня окончания войны? Естественно, что в дни войны большинство писателей нечего было и думать о создании крупных произведений, выношенных в тяжелых и долгих раздумьях, отточенных по языку, безупречных по стилю. Тогда слово художника было на вооружении армии и народа, и писателям легкого было придавать своим произведениям совершенную форму. Была у них одна задача: лишь бы слово их разлило врага, лишь бы оно держало под локотом нашего бойца, зажигало и не давало угаснуть в сердцах советских людей жгучей ненависти к врагам и любви к Родине. С этой задачей писатели, как известно, справлялись неплохо. Но когда наступила послевоенная пора, многие и многие писатели, взяв рабей военных лет, продолжали как бы по инерции писать наспех, неряшливо, небрежно, и это обстоятельство не замедлило резко сказаться на художественном уровне значительного количества произведений. То, что читатель прочел нам во время войны, он не мог уже простить в последующие за войной годы. А такие, подлинно талантливые произведения, появившиеся в послевоенный период, как книги Фадеева, Федина, Ауэзова, Павленко, Гладкова, Леонова, Паустовского, Упста, Твардовского, Якуба Коласа, Гончара, Некрасова и некоторые другие, еще резко подчеркивали художественное убийство и неадекватность произведений-подорожников, которые смело можно называть литературными выкидышами.

Но, разумеется, не только эта причина, то есть нажитая в войну стремительность письма, была главной в общем снижении ценности наших произведений. Одной из главных причин, как мне кажется, явилось поразительное и ничем не оправданное падение требовательности к себе, установившееся среди писателей, и падение «оценочных критериев», прочно обосновавшееся среди критиков. Писатели с добровольным безразличием, с отсутствующими лицами проходили мимо не только посредственных, но и явно бездарных произведений своих товарищей. Они не понимали негодующего голоса против приношения в печать макулатуры, привносящей худшие вкусы невоспитательной части наших читателей, портящей нашу молодежь и отталкивающей от литературы читателей квалифицированных и по-хорошему требовательных, непримиримых в оценках.

Ну, а что касается иных критиков, то тут дело обстоит еще хуже: если бесцельное и никчуждое произведение печатал именитый, к тому же еще увенчанный лаврами литературных премий, автор, многочисленные критики, видя такое не потребовало, не только делали отсутствующее лицо, но чаще всего отворачивались.

Речи печатаются по сокращенным стенограммам.

Великом смущении. На глазах читательской общественности иногда происходило удивительное, прямо-таки потрясающее перевержение: эти «неистовые виссарыоны» вдруг мгновенно превращались в красных девиц. Одни из них молча, втихую, обливались стидливым румянцем, другие суетливо и расточливо извинялись перед неуваженными, безудержно щедрые комплименты. В самом деле: была ли напечатана в нашей печати хоть одна критическая статья, в полноту меру, без всяких скидок, оговорок и оговорок, воздающая должное какому-либо литературному мату за его неудачное произведение? Не было такой статьи. А жаль. У нас не может и не должно быть литературных сепаратизмов и лиц, пользующихся правом неприкосновенности. (Аплодисменты).

Мне могут возразить на это, что, мол, такие статьи были в природе, но не записаны от критиков причинами не были напечатаны. В годы гражданской войны рабочие и крестьяне говорили: «Советская власть в наших руках». С полным правом мы можем сейчас сказать: «Советская литература в наших руках». И чем меньше будет в редакциях газет и журналов робких редакторов, как, например, товарищ Рюриков, тем больше будет в печати смелых, принципиальных и дозрелых нужных литературных статей.

«Литературная газета» формирует общественное читательское мнение. «Литературная газета» — это ключевые позиции в нашей литературе, к беспристрастному познанию ее. Но о каком же беспристрастии может идти речь, если на главе этой газеты стоит человек, немало обязанный тов. Симонову своим продвижением на литературно-критическом поприще. «Литературной газете» нужен руководитель, стоящий вне всяких группировок и группировочек, человек, для которого должна существовать только одна дама сердца — большая советская литература в целом, а не отдельные ее служители, будь то Симонов или Фадеев, Эренбург или Шолохов.

Возвращаясь к некоторым критикам, можно сказать, что обратное перевержение с ними происходило, когда в печати появлялось слабое произведение писателя-средняка или мало известного писателя, или же молодого автора. Вот тут уже личное соприкосновение критиков сразу переходило в начальственные баритоны и басы. Тут уж «разудилась плечо, размахнулись рука!» Тут тебя и товарищ Рюриков охотно пачечтает, не боясь окрика с улицы Воронковской, тут и беснует можно во всю и снисходительным остроумием, и желчным сарказмом.

Кстати, тут не раз говорили о «литературной обложке», о пятерке или десятке ведущих писателей. А не пора ли, товарищи, нам рачительно, как бывалым солдатам, пересмотреть свой боеспособный? Кому не известно, что от длительного пребывания в обложке, особенно в ложь или слабую погоду, именуемую отшельностью (аплодисменты), патроны в обложке окисляются и ржавеют? Так вот не пора ли нам освободить обложку от залежавшихся там патронов, а на смену им вставить новые патроны, посвежее. (Аплодисменты). Слов нет, не стоит выбрасывать старые патроны, они еще пригодятся. Но необходимо похозяйски протереть их щеточкой, а если надо, то и песчанкой. (Аплодисменты).

Ничего, от этого шкурка с них не слезет! Надо приобрести их, эти старые патроны, не великий же из них даст осечку при выстреле. Это тоже надо понимать.

Но плох тот боец, который на вооружении имеет всего лишь одну обойму. Сражения с таким скудным запасом не выигрываются. Как и все вы, я — за то, чтобы побольше было у нас патронов в обоймах, и в цинках, с рессорной под рукой на всякий случай. А за сохранность их у нас присмотреть есть кому. Читатель у нас не скопилом, а подлинный — добрый и расчётливый хозяин.

И вот, вот еще что: термины «ведущий» в применении к человеку, который действительно кого-то ведет, сам по себе хороший термин, но в жизни бывает так, что был писатель ведущий, а теперь он уже не ведущий, а стоящий. Да и стоит-то не месяц, не год, а этак лет десять, а то и больше, скажем, вроде вашего покорного слуги и на него похожих. (Смех. Аплодисменты).

Вспоминаете, товарищи, такие вещи не всегда приятно говорить про самого себя, но приходится — самокритика. Так вот, упрется такой писатель, как баран в новые ворота, и стоит. Какой же он ведущий, когда он самый настоящий на месте стоящий? (Смех. Аплодисменты).

В партии у нас бывает так, — и это всем известно, — работает заслуженный человек секретарем обкома — ведущая фигура, но работает он год — туда-сюда, второй год — еще хуже, и тогда ему вежливо говорят: «Ступай-ка ты, дорогой товарищ, подучись».

А ведь, как говорится: свято место пусто не бывает. Литературная обложка будет полна. И не сами писатели войдут в нее по собственному желанию, потому что одного желания здесь мало, а их встанит в обойму хозяйской рукой народ, который хочет сражаться за свою культуру, за свое счастье — за коммунизм.

И еще одной из причин снижения ценности художественного произведения является та система присуждения литературных премий, которая существует, к сожалению, и понине. Об этом подробно говорил здесь тов. Овечкин, и мне приходится добавить несколько слов. Прому прощения, но, ей-богу, деяние художественных произведений на первую, вторую и третью ступень напоминает деление на первый сорт, второй и третий сорт.

Ну, а то, что не вошло в этот перечень? Какое наименование далим тому количеству произведений, которые не удостоены премии? Это что — отходы ширпотреба? Получается неслучайно, обидно и горько, и откуда эта система поощрения не пошла, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что многие из хороших книг не премированы, — талантливые, умные книги, — и они иногда читаются больше,

нежели книги, отмеченные премией. (Аплодисменты).

К примеру, бывает и так: написал писатель посредственную книгу, — он и не рассчитывал на успех, трезво рассчитывая на свои возможности. Он считал, что следующая книга будет лучше. И вдруг получает вторую премию. Так нет бы по совести сказать: «Братцы, что вы делаете, не давайте премию, книга моя нестойкая ее».

Шалите, таких промаков не было еще. (Смех. Аплодисменты). Берет писатель премию, а спустя немного времени начинает думать, что не только он сам неопознать себя, но и другие, кто присуждает премию, и что книга его смело могла пойти не на вторую, а на первую премию.

Так в оценках мы и писателей и читателей порти.

Не берусь съезду предлагать что-нибудь определенное по этому поводу. Но ясно одно, что мы обязаны ходатайствовать перед Правительством о коренном пересмотре системы присуждения премий работникам искусства и литературы, потому что так дальше продолжаться не может. (Аплодисменты).

При такой системе, если она сохранится, мы сами разучимся отличать золото от меди, а окончательно дезориентированный читатель будет настаивать на увидев книгу очередного лауреата.

Высокая награда не может даваться легко и даваться походя, иначе она перестанет быть высокой.

Подумайте, что будет через десять-пятнадцать лет с некоторыми талантливыми представителями искусства и литературы, если утвердится существующее положение о премировании.

И уже не говорю о товарище Симонове. Он смело будет давать на-гора по одной пьесе, одной пьесе, по одному роману, не считая таких мелочей, как стихи, очерки и т. д. Стали бы три медали в год ему бестелесны.

Уже сейчас многие лауреаты впадают в себя если не восторг, то некоторый трепет. А что будет дальше?

На днях я увидел человека в штатском — вся гулял в золоте и в меди. Батюшки, думаю, ну же, ну же, Иван Поддубный? Пригляделся, фигура не бордовская, — оказывается это не киноактер, не то киноактер: Вот тут и разберись, что к чему? Нет, товарищ писатель, давайте лучше блистать книгами, а не медалями. (Продолжительные аплодисменты).

Медаль — это дело нужное, а книга — выстраданное.

Только большая и глубокая тревога за литературу заставляет говорить товарищам по оружию иногда неприятные вещи.

Со свойственной скромностью и по неписанной обязанности докладчик К. Симонов умолчал о себе. Разрешите мне восполнить этот пробел.

Здесь не время и не место заниматься разбором отдельных его произведений. Хочется сказать о всей совокупности его творчества.

К. Симонов отнюдь не новобранец в литературе, а достаточно пожилой и опытный боец. Написал он тоже достаточно много и во всех жанрах, которые свойственны литературе. Но когда я перечитываю его произведения, меня не покидает ощущение того, что писал он, стремясь к одному, лишь бы вытиснуть на четверку, а то и на тройку с плюсом. А ведь он, бесспорно, талантливый писатель, и его желание (о нем не пишу тут не может быть и речи) отдавать произведению всего себя целиком заставляет тревожно задумываться. Чему могут научиться у Симонова молодые писатели? Разве только скоронис да совершенно не

обязательному для писателя умению дипломатического обхождения. Для большого писателя этих способностей, прямо скажу, мало. Особую тревогу вызывает его последние книги: с виду все гладко, все на месте, а донимать до конца — создается такое впечатление, как будто тебя, голодного, пригласили на званый обед и угостили твоей и то не досыта. И досадно тебе, и голодно, и в душе проклинаешь скрягу-хозяина.

Не первый год пишет товарищ Симонов. Пора уже ему оглянуться на пройденный писательский путь и подумать о том, что наступит час, когда найдется некий мудрец и зрячий мальчик, который, указывая на тов. Симонова, скажет: «А король-то голый!» (Аплодисменты).

По старой дружбе не могу не упомянуть здесь П. Г. Эренбурга. Не подумайте, что я снова собираюсь спорить по творческим вопросам, упаси бог! Хорошо спорить с тем, кто яростно обороняется, а он на мажорное критическое замечание обижается и заявляет, что ему после критики не хочется писать. Пусть лучше Эренбург пишет... Он делает большое и нужное дело, активно участвуя в нашей общей борьбе за мир. Но ведь критикуем мы его не как борца за мир, а как писателя, а это — наше право. Вот, в частности, он обиделся на Симонова за его статью об «Оттепели». Зря обиделся, потому что, не вырвавшись Симонов вперед со своей статьей, другой критик по-иному сказал бы об «Оттепели». Симонов, по сути, сказал Эренбургу от резкой критики. И все-таки Эренбург обижается. Объяснить это можно, пожалуй, только той «обостренной чувствительностью», которой Эренбург наделил всех писателей в своей недавней речи на съезде.

Но нам особенно беспокоит по поводу перепаки между Эренбургом и Симоновым не стоит. Они как-нибудь помирятся.

Единственный вопрос хотелось бы мне задать товарищу Эренбургу. В своем выступлении он сказал: «Если я смогу еще написать новую книгу, то постараюсь, чтобы она была шагом вперед от моей последней книги, то есть от «Оттепели».

По сравнению с «Бурей» и «Десятью валами» «Оттепель» бесспорно представляет шаг назад. Теперь Эренбург обещает сделать шаг вперед. Не знаю, как эти танцевальные на зываются на другом языке, а на русском это звучит «топтанье на месте». Мало же утешительного вы нам наобещали, уважаемый Илья Григорьевич!

О нас, советских писателях, злобующие враги за рубежом говорят, будто бы пишешь мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством. (Продолжительные аплодисменты).

Иногда мы бываем излишне резки в отношениях друг с другом, иногда — нетерпимы в творческих оценках, но вызвано это, разумеется, не нашим дурным характером, не честолюбием и не корыстью, а единственным желанием сделать нашу литературу еще более могучей помощницей партии в деле коммунистического воспитания масс, еще более достойной нашего великого народа и того великого литературного прошлого нашей страны, прямыми наследниками которого мы являемся.

Всем сердцем верю в то, что к Третьему съезду многие из нас создадут новые замечательные произведения.

От всей души желаю каждому из вас, товарищи писатели, новых творческих успехов и той ясной радости, которую испытывает каждый труженник, по-настоящему добротой сделавший свое дело. (Продолжительные аплодисменты).

Когда в Москве проходил Первый съезд советских писателей, литовский народ под руководством Коммунистической партии вел ожесточенную борьбу против фашистской диктатуры. Несмотря на закрытые наглухо государственные границы, на рогатки цензуры, до литовского народа и его прогрессивных писателей доходили сильные и мужественные голоса Максима Горького и других крупнейших писателей нового мира.

Когда в 1940 году литовский народ при помощи Советского Союза сверг фашистский режим и установил в республике советскую власть, не было немыслимостью, что лучшие литовские писатели — Итрас Циврика, Саломея Нерис, Витутас Монтиля, Людас Гира, Ионас Марцинкявичюс и ряд других сразу пошли вместе со своим народом.

В многовековой истории борьбы литовского народа за независимость и свободу 1940 год является вехой исключительного значения. С этого года литовская литература также начала самый значительный новый период своего развития.

Литовская советская литература росла и закалялась в первый год строительства социализма и особенно в годы Великой Отечественной войны, когда лучшие литовские писатели «всею звонкую силу» своего таланта отдали на вооружение советского народа в его борьбе против фашизма. Годы борьбы вместе с тем были годами большого роста и возмужания литовской советской литературы. В стихах и поэмах Саломея Нерис, Людас Гира и Костас Корсакас, в чудесных рассказах Пятрас Циврика, Юзааса Балтушиса, в рассказах и публицистике Ионаса Шимкуса с большой проникновенной силой звучало не только горе утраты родной земли и близких людей, — в них звучала сила ритмичного народа, во сто крат выросшая после объединения со всеми советскими народами.

За период войны молодая литовская советская литература, набирая силы и опыт, овладела методом социалистического реализма, чтобы в полную силу помогать народу после победы. Во время войны начали свой творческий путь такие поэты, как Межелайтис, Мозуронас, Рейнерис.

Если в годы войны преобладающим жанром в литовской литературе являлись стихотворные формы и рассказы, то после

борьбы за ее высокую идейность в настоящее время составляет основную заботу наших писателей и всей нашей писательской организации.

Литературная критика сыграла значительную роль в борьбе за марксистскую идеологию, за принципы советской литературы, за высокую идейность и мастерство в творчестве наших писателей.

К сожалению, она не всегда умеет решать задачи, выдвигаемые самой жизнью. Слабое знание марксистской эстетики, неумение решать теоретические вопросы мешают некоторым нашим критикам разбираться в пресловутой «теории» бесконфликтности, которая нацеливала писателей на приукрашивание действительности, на отрицание жизненных конфликтов.

Надо сказать, что в последнее время в Литовской ССР уже появился ряд крупных литовских писателей работ — о классике литовской литературы Донлайтисе, о творчестве П. Циврики, о последнем романе А. Венуолиса. Силами литовских республиканцев подготовлен также «Очерк развития литовской советской литературы».

Художественная литература дает эстетически отраженное воспроизведение «средней жизни» народа. Работа писателя над языком своих произведений — дело не частное и не личное, а общее, народное. Язык писателя — общественное достояние.

Социалистическая литература — это не только лаборатория художественного речи, но и общественная школа искусства словесного выражения. Ответственность советских писателей за это общественное дело еще больше возрастает в силу великого международного значения русского языка, ставшего международным языком прогресса, языком борьбы за мир.

Вместе с тем русский литературный язык является животоносным и неисчерпаемым источником обогащения всех языков народов Советского Союза. Якутский поэт С. Данилов в стихотворении «Мой русский язык» пишет:

Новых слов порою не хватает Мне в родном богатом языке.

Если слог мой поисками скован (Сколько новых дел, событий, чувств!) — Обращаюсь к русскому языку, У него я новому учусь...

Вот почему после многочисленных, страстных и убедительных статей и выступлений А. М. Горького о языке советской художественной литературы обсуждение этого вопроса за последние двадцать лет не раз вспыхивало у нас с новой силой и горячностью, но, к сожалению, скоро погасало. Упрек, брошенный А. М. Горьким по адресу нашей критики больше двадцати лет назад, что она «не учит, как надо работать над словом», остается в силе и до сих пор. Этот упрек можно предъявить и к науке о русском языке.

Советская литература в основном с честью выполняет задачу своеобразного конденсатора общенационального языка и могучего двигателя языковой культуры русского народа.

Однако в стилистической практике многих советских писателей часто дают себя знать три существенных недостатка, которые тревожат читателей, так как они противостоят методу социалистического реализма.

Первый недостаток, о котором уже много писалось и говорилось, — это часто поступающая стилистическая одноцветность, монотонность, словесная бедность и серость, стандартность языка автора, и особенно речи изображаемых лиц в его произведениях.

Самед Вурган в своем докладе привел характерные примеры такой шаблонизации стиля в стихах известных наших поэтов — А. Суркова, С. Михалкова, К. Симонова и др. Естественно, что менее крупные писатели заметно превосходят в этом маститых, особенно это относится к прозе и драме.

Речь изображаемых лиц нередко складывается, как из кубиков, из шаблонов газетного и профессионально-делового стиля. В ней нет игры, живых красок бытового разговора, в ней не бьется пульс личной жизни и индивидуальной экспрессии. В комедии Л. Ленча «Большие хлопоты» то и дело звучат прописные прономен и запитательные истины: «любое дело... надо делать хорошо», «маленьких дел нет», «вашу душу рдевает ржавчина обязательщины» и т. д.

Мариана Фюфанова в своих «Путевых ориентирах» такими простодушно-деловыми стихами изображает содружество профессора и чабана:

Анализ делали вдвоем, О почвах спорили потом, И в степь уехали верхом, Как два родимых брата...

Когда вернулись, младший брат Проверил старшего доклад. И оба песни пели в лад До самого рассвета...

Внешние приметы трафаретов речевого изображения у разных писателей могут быть разными, но художественное качество таких приемов от всего этого не повышается.

Литовская советская литература на сегодняшний день имеет большие достижения, которые не могут нас не радовать. Эти достижения были отмечены на декаде литовской литературы и искусства в Москве весной 1954 года и на втором съезде советских писателей Литвы.

Но было бы ошибкой не замечать и больших недостатков нашей молодой литературы.

Тематически наша литература все еще недостаточно охватывает основные области жизни и борьбы своего народа.

Росту литовской литературы все еще мешают недостатки мастерства. Даже качество лучших произведений прозы и поэзии иногда снижается недостатками форм — рыхлостью композиции, сухим языком, риторичностью. Немало встречается произведений схематических, с выдуманными или с заглаженными конфликтами, натуралистически скользящих по поверхности действительности, без полета мысли и фантазии. Борьба за высокое мастерство литовской советской литературы наряду с

Товарищи! Нас глубоко радует то обстоятельство, что на Втором всесоюзном съезде советских писателей принимает участие и отряд литовской советской литературы.

Если лучшие книги литовских писателей сегодня читаются во всех концах нашей страны, то в этом мы видим большую заслугу наших товарищей по перу — русских поэтов и переводчиков.

Одно пожелание. Нам кажется, что назрело время для «Литературной газеты» иметь в Литве своего собственного корреспондента, так как в настоящее время литературная жизнь республики почти не находит никакого отражения в газете, а иногда освещается искаженно.

Разрешите вас заверить, товарищи, что литовские писатели не покажут сил в дальнейшей борьбе за высокую идейность и мастерство своих произведений, за то, чтобы эти произведения лучше помогли народу бороться и побеждать в нашей общей великой борьбе за построение коммунизма. (Аплодисменты).

Романе Е. Пермяка «Драгоценное наследство» так описывается как ремесленники — девочки и мальчики — танцуют полонез на новогоднем вечере: «...они, может быть, не думая, соорудили шаг друг с другом, говорили всем своим существом о величайшей дружбе и взаимном уважении двух равных половин человечества».

Другой широко распространенной стилистической болезнью нашей литературы является склонность к банальной «раскрасовке», к внешнему риторическому треску. А. П. Чехов ввухал писательнице Шавровой: «В заглавии «Идеал» слышится что-то мармеладное». Такая «мармеладность» встречается и в стиле произведений советской литературы. Так, например, в пьесе Е. Успенской и Л. Ошанина «Твое личное дело» действующие лица (особенно Дымченко с Ольгой) в минуты сердечного волнения ведут нестерпимо «красивый» разговор: «Если между нашей любовью детские глаза и горе друга, нельзя нам быть вместе». Трудно себе представить то пространство между любовью, куда драматурги заставили Дымченко поместить «детские глаза» и «горе друга»!

У М. Алигер в пьесе «Ленинские горы» Московский университет изображается как «заставший навеки над гулом века». Что это реально означает — неясно.

В рассказе С. Толубова «Атаман и фельдмаршал» находим такие перлы однозвучной риторики: «Лес был облит холодным огнем, в котором ветви деревьев, покрытые свежим белым снегом, казались паутинным гнездом гигантского бриллиантового паука».

В романе Н. Панова «Страстное желание» любопытное сравнение: «Как длинные, тужежловые призраки, проносились мимо грузные рудой платформы». Неопытно, на каких весах были взвешены эти призраки.

Третья распространенная стилистическая болезнь — это несоответствие слова действительности, отрыв слова от предмета, это искажение, а иногда даже опущенность основного предметного его значения. Эта болезнь происходит от незнания языка изображаемой жизнью, от плохого знания тех вещей и явлений, которые рисуются или характеризуются писателем.

Евг. Долматовский в поэме «В суровый час» писал о сейсмологе Скворцове:

Теперь стоял он под системой звездной, Знаток планеты. И любовью поздней Дышал, как воздухом. И образ женский Витал над ним.

Под системой звездной — это немногочисленный синоним выражения «поп небно звездный».

В романе Ю. Германа «Россия молодая» встречаем такой образ: «На пути удара внезапно плавал такой силы, что лопь, точно бы конь, вскинувшийся на дыбы, поднялся кормой». Выходит, что конь поднимается на дыбы крупом, задними ногами.

Отсутствие чуткости слова ведет к смешению слов с предметом. Поэт В. Гончаров в стихотворении «Салгир» пишет о нашей жизни и мире так:

Мы можем ради слова «жить» Моря и реки покорить. И Дон, и Волга, и Салгир У нас впадают в слово «мир».

Для преодоления всех этих недостатков надо объединить усилия писателей и критиков, литературоведов и языковедов.

Безразличны и неисксаемые богатства нашего языка! Изучать их, беречь их, творчески пользоваться ими, умножать и развивать их — долг каждого литератора, прозаика и поэта, драматурга и очеркиста, литературоведа и критика. (Аплодисменты).

Речь Ама САЛИХА ТУРКМЕНИСТАН

(Прочтено на туркменском языке, затем переведено на русский)

От туркменской земли, солнцем дружбы согретой, Я привез вам сердечное слово привета, — чей творческий труд служит миру примером. Вам, друзья, — человеческих душ инженерам!

Горький нам указал путь к творениям новым, Мы читаем труды его слово за словом Сердцем и сердцу сплоченные русским народом. От вершины к вершине мы шли год за годом.

И сегодня, овеяны горьковской славой, Всей семьей собравшись мы в Москве величавой, От души поздравляя друг друга с успехом, Сор с дороги сметая зыблительный смехом. Как всегда в дни торжества или в дни испытаний, Проверая ряды в боевом нашем стане, Чтоб, в народе своем почерпнув вдохновение, Посвятить ему лучшие наши творения. К коммунизму дорогу ему озаряя, — Так учт нас партия наша родная! (Аплодисменты).

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Речь Г. НИКОЛАЕВОЙ МОСКВА

Один из важнейших недостатков, ослабляющий нашу творческую силу, — недостаточное внимание к главному нашему оружию — к типизации.

Часто писатели в своих произведениях добросовестно разрабатывают и описывают те или иные явления жизни и лишь бегло, иллюстративно разрабатывают характер.

Больше того, многие большие классические произведения — «Рудин», «Обломов», «Герой нашего времени» — держатся, по существу, лишь на одном глубоко разработанном характере, тогда как другие характеры служат как бы фоном для этого одного.

Если представить, что такой критик берется писать о «Герое нашего времени» Лермонтова, то он будет анализировать примерно так: он скажет, что характер Печорина удался, но крестьянские восстания не показаны, не показаны помещики, княжна Мери показана слабо, бегло, Ваза тоже описана схематично...

Потеря в анализе основного художественного критерия — типа — приводит к художественной обезличке и уравниловке. Если такой критик после разбора «Героя нашего времени» возьмется анализировать «Жатву», то у Галины Николаевны, например, может остаться приятное заблуждение, что она совсем почти как Лермонтов и даже лучше! Потому что Лермонтов не писал о крестьянстве, а она пишет!

Мы забываем часто, что для типического обязательно своеобразно единство противоположностей — индивидуального и общего — порой принимаем за тип характер схематичный. Мы забываем о том законе, что тип проявляется, раскрывается только в конфликте, когда показано, какие силы ему противостоят и как он с ними борется.

Мы забываем о том, что типизация возможна только на основе глубокого изучения жизни. Многие здесь очень неприязненно приняли предложение Овечкина, поддержанное Шолоховым, о том, что писатель должен постоянно жить в Москве, а по моему, это предложение продиктовано большой требовательностью писателя к себе, в нем есть очень здоровое и правильное зерно.

Неумение правильно пользоваться основным нашим оружием — типизацией — приводит даже таких больших писателей, как, например, И. Эренбурга, к творческим неудачам. Эренбург сплошь заседал свою «Отшель» мелкими пассивными, типичными людьми и создал в ней странную для нас атмосферу бездельности.

В докладе К. Симонова прозвучала большая тревога о ряде молодых писателей, которые не растут, а уходят свою работу от одной книги к другой.

Общего это происходит? Частично от того, что до первого большого успеха, до профессионализации писатель зачастую крепче связан с трудом и жизнью широких масс, и сама жизнь заставляет писателя всем его сердцем отзываться на нужды народа. А как раз в этом и есть подлинный путь типизации.

После первого успеха центр жизни и интересов писателей переносится на улицу Бороховского и в лаврушкинский переулок. В таком случае жизнь сама по себе уже не влечет по верному пути типизации, — здесь нужна и сопротивляемость, и воля, и разум, нужен также и верный творческий ориентир. Сопротивляемости часто писателям не хватает, а ориентир обеднен и обесценен.

Вторым препятствием, порой мешающим нам работать, я считаю, недостаточное внимание к вопросам таланта. Надо сказать, что слово «талант» вообще исчезло из нашего обихода.

У нас часто по одну сторону подводят такие произведения, — если взять для примера драматургию, — как пьесы Милана, Софронова, Корнейчука. Хотя совершенно очевидно, что из них Корнейчук по силе таланта выше. Его пьесы порой неровны, но у него всегда есть куски подлинной жизни и большие типические характеры.

Стыдно сказать, о романах Панферова «В стране поверженных» и «Большое искусство» у нас порой писали в таких же восторженных тонах, как о романах Шолохова, Фадеева, Федина. Как вредна подобная уравниловка, как это преступно безхозяйственно и какой тяжелой след оставляет это на нашей литературе!

Я коротко остановлюсь на организационных вопросах. Мне кажется неверным, что Союз писателей до сих пор не ставит в центре работы рукопись писателя и редакционные портфели журналов. Часто у нас по полученному сигналу обсуждают уже напечатанную оплошную книгу. Ее обсуждают и осуждают, когда она уже вышла, когда истрачены тысячи рублей, когда она уже дошла до тысяч читателей. Это — формальные построения работы.

Нелепо и не нужно, конечно, обсуждать в ЦСН все рукописи, но надо хорошо знать свое хозяйство и всегда помнить, что творчество многих больших писателей является народным достоянием.

Например, «Отшель», «Времена года», роман Гроссмана вызвали в свое время большие споры и разногласия еще задолго до напечатания их. Мне кажется, что необходимо было Союзу писателей своевременно организовать проамное, серьезное обсуждение этих вещей еще в рукописи, очень весомое и убедительное обсуждение, привлечь к нему крупнейших мастеров и писателей, наиболее авторитетных для автора. Обсудить не для того, чтобы осудить — вынести приговор и дать директиву журналу и писателю, а для того, чтобы по существу дела творчески убедить автора и помочь ему разобраться в своих ошибках и максимально раскрыть свои возможности.

Второй вопрос организационно-творческого порядка — это вопрос создания чистой творческой атмосферы. Необходимо учитывать совершенно особую специфику нашей работы. Рабочие на заводе, колхозники в колхозе, ученые в институте, актеры в театре по своему характеру работы связаны с коллективом. Работа писателя носит совершенно другой характер: она сугубо индивидуальна. Она сама по себе не сплывается в коллектив, а там, где допускаются нездоровые явления, она может даже разъединять, потому что может появиться вместо творческого соревнования личное соперничество.

На больших дорогах литературы постоянно Шолохов и Фадеев идут рядом, не мешая друг другу. Твардовский, Исковский, Леонов, Тихонов, Симонов и другие лучшие писатели не толкают, не теснят друг друга.

По в околотворческой прихотливости бывает тесновато, и здесь, случается, и теснят и давят друг друга, причем, как правило, особенно толкают и давят те, у кого меньше других надежды пройти честно и в большую литературу. Вот почему хочется видеть в руководстве людей больших, талантливых, честных и умных.

«Рыбак рыбака видит издалека», — есть такая поговорка. Талант, ум, принципиальность издалека узнают другой талант, ум, принципиальность и пойдутся к ним. Ограниченность и беспринципность тоже издалека узнают ограниченность и беспринципность и тоже тянутся друг к другу. Поэтому опасно, когда у руководства творческой организации стоят люди неосведомленные и малоприципиальные, не знающие цены подлинному, подлинническому писательскому труду, ограниченные в своих суждениях и не способные к хозяйскому объективному взгляду на литературу. Такие люди, как правило, будут тянуть в литературу себе подобных, как это было с Суворовым и его приспешниками.

И не говорю об отдельных ошибках, которые могут быть и у самых умных, у самых талантливых людей, но такие люди не бояться признать свою ошибку и умеют ее выправить.

Пожелаю нашему руководству проводить ту линию на создание чистой творческой атмосферы, которую оно начало проводить, — такой атмосферы и такого стиля работы, которые привели бы литературу к подъему, характерному сейчас для всей нашей страны. (Аплодисменты).

Бесспорно, что задача преодоления отсталости критики и литературоведения лежит прежде всего на самих критиках и литературоведах. Но целиком уходить от ответственности за судьбы нашей критики и нашей литературоведческой науки не должны и писатели.

Писатели часто и законно предъявляют нам, критикам, счет. Но есть и ответный счет, который, думаю, мы в свою очередь вправе предъявить писателям. Пора начать писателям видеть в критике часть общего дела строительства нашей литературы и принимать более активное, чем сейчас, в ней участие.

Второе, о чем мне хотелось бы сказать. Мы говорим все время: критика и литературоведение (точнее было бы сказать критика и история литературы). Между тем у нас начинает закономерно складываться (с сожалением, и этот процесс еще далеко не завершен) в духе традиций нашей революционно-демократической критики новый, синтетический тип критика-литературоведа. Причем это проявляется не только в том, что ряд наших товарищей (и это следует всячески развивать и приветствовать) успешно работает и в области изучения

классики и в области изучения советской литературы. Уже Пушкин считал, что критик должен изучать великие образцы литературы поочередно, быть в основе своей литературоведом. С другой стороны, подлинный литературовед, историк литературы, не может, в особенности в наше время, не быть и критиком.

Советский историк литературы, который, понятно, никак не может, не должен отгораживаться от живой жизни, от общественной борьбы стенами своего кабинета, обязан не только осмыслить творчество писателей-классиков в их историческом развитии, но также указать на их историческое место и значение, но должен показать и то, во что они выросли и развились в нашем социалистическом общественном сознании, дать им оценку, суждение голосом нашей эпохи.

Наряду с этим важнейшей задачей критика-литературоведа является раскрыть эстетическое значение художественного произведения, показать его как великое произведение искусства.

«Всякая поэзия должна быть выражением жизни... Но чтобы быть выражением жизни, поэзия прежде всего должна быть поэзией». Забвение этих слов Белинского нашими критиками и литературоведами, безучастность, невниманность их к вопросам художественного мастерства, неумение раскрыть и изучать это художественное мастерство — одна из коренных причин отставания нашей критики и нашего литературоведения, одна из причин отставания нашей литературы, — появления слабых, бесцветных произведений, на что еще и еще раз обращает наше внимание партия.

Если советские литературоведы раскроют читателям, в том числе и советским писателям, замечательную сокровищницу творческого опыта писателей-классиков, они не только преодолеть одну из основных причин отставания нашего литературоведения и критики, но и окажут самую непосредственную, живую, действительную помощь современному литературному развитию.

Наконец, последнее. Я сказал, что нет принципиальной грани между критикой и литературоведением, критикой и историей литературы. Но, конечно, у историков литературы есть и свой особый предмет. Неотъемлемые достижения, имеющиеся в этой области, были отмечены В. Рюриковичем. Следует добавить, что за минувшие двадцать лет наши литературоведы провели громадную научно-вспомогательную работу. В 60 монументальных томах «Литературного наследства», 45 из которых вышли после Первого съезда, были собраны и введены в научный оборот горы совершенно неизвестных до сих пор материалов, которые помогли по-новому осветить многое и многое в творчестве писателей-классиков.

Плодотворнейшая работа проделана за эти годы и в области издания собрания сочинений писателей прошлого. Советский читатель впервые получил в свои руки действительно полные собрания сочинений

бывало именно той мужественной и прямой формы выражения, которую он и создал, для непотрошенной дорожкой одного из зачатей советской литературы.

И поддерживая начатый К. Симоновым в его докладе творческий разговор, мы должны воспитывать нашу молодежь в атмосфере разнообразной проблематики, разнообразия стилей, которые представляют шаг передовой метод. Однако не слишком ли щедро мы употребляем это большое, многозначное слово «стиль»? Стиль писателя отражает богатство его жизненного опыта, как современника, — особенно такой великой и сложной эпохи, как наша эпоха.

А мы иногда слишком расхваливаем молодого писателя за то, что его литературная манера будто уже вполне создалась. А молодой писатель еще только набирается сил, он должен учиться, и ему нужно помогать, а не кружить голову.

Горький оставил нам не только образцы работы вообще с рукописью известных и неизвестных авторов, но и образцы критериев, которые определяют ценность произведения в тех принципиально новых чертах, которые содержатся в нем. Высоким классическим примером этого является оценка Горьким «Педагогической поэмы» Макаренки. Потому-то мне жалко, что Макаренко не вошел в наш исторический творческий разговор, — ведь творчество Макаренко представляет собой благодарнейший материал оригинального, самобытного, большого стиля.

Горький оставил нам еще одну традицию, о которой мы не всегда помним: умение понимать и учитывать те, на первый взгляд, внешние условия писательской работы, которые на деле имеют самое близкое отношение к творчеству.

В докладе А. Суркова приведены интересные факты, из которых полезно сделать некоторые выводы для нашей живой практики. О чем говорит, например, приведенные в докладе факты с книгами Веры Пановой, Михаила Бубликова, получивших всенародное признание после войны, в сороковых годах, хотя эти писатели начали свой путь гораздо раньше? «Большая судьба» их книг пришла к ним после того, как их талант, взгляды на жизнь окрепли в суровой школе испытаний, обогащенной их впечатлениями, забываемое сильными и прекрасными, в результате чего и появились такие произведения, как «Спутники», «Белая береза», «Война и мир» — это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. «Война и мир» есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось... История русской литературы со времени Пушкина — не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не дает даже ни одного примера противоположного... В новом периоде русской литературы нет ни одного художественного произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести.

Так же «не укладывался» Дм. Фурманов в общепринятые жанры и формы. Новаторский стиль, который он выработал, тре-

бывало именно той мужественной и прямой формы выражения, которую он и создал, для непотрошенной дорожкой одного из зачатей советской литературы.

И поддерживая начатый К. Симоновым в его докладе творческий разговор, мы должны воспитывать нашу молодежь в атмосфере разнообразной проблематики, разнообразия стилей, которые представляют шаг передовой метод. Однако не слишком ли щедро мы употребляем это большое, многозначное слово «стиль»? Стиль писателя отражает богатство его жизненного опыта, как современника, — особенно такой великой и сложной эпохи, как наша эпоха.

А мы иногда слишком расхваливаем молодого писателя за то, что его литературная манера будто уже вполне создалась. А молодой писатель еще только набирается сил, он должен учиться, и ему нужно помогать, а не кружить голову.

Горький оставил нам не только образцы работы вообще с рукописью известных и неизвестных авторов, но и образцы критериев, которые определяют ценность произведения в тех принципиально новых чертах, которые содержатся в нем. Высоким классическим примером этого является оценка Горьким «Педагогической поэмы» Макаренки. Потому-то мне жалко, что Макаренко не вошел в наш исторический творческий разговор, — ведь творчество Макаренко представляет собой благодарнейший материал оригинального, самобытного, большого стиля.

Горький оставил нам еще одну традицию, о которой мы не всегда помним: умение понимать и учитывать те, на первый взгляд, внешние условия писательской работы, которые на деле имеют самое близкое отношение к творчеству.

В докладе А. Суркова приведены интересные факты, из которых полезно сделать некоторые выводы для нашей живой практики. О чем говорит, например, приведенные в докладе факты с книгами Веры Пановой, Михаила Бубликова, получивших всенародное признание после войны, в сороковых годах, хотя эти писатели начали свой путь гораздо раньше? «Большая судьба» их книг пришла к ним после того, как их талант, взгляды на жизнь окрепли в суровой школе испытаний, обогащенной их впечатлениями, забываемое сильными и прекрасными, в результате чего и появились такие произведения, как «Спутники», «Белая береза», «Война и мир» — это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. «Война и мир» есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось... История русской литературы со времени Пушкина — не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не дает даже ни одного примера противоположного... В новом периоде русской литературы нет ни одного художественного произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести.

Так же «не укладывался» Дм. Фурманов в общепринятые жанры и формы. Новаторский стиль, который он выработал, тре-

бывало именно той мужественной и прямой формы выражения, которую он и создал, для непотрошенной дорожкой одного из зачатей советской литературы.

И поддерживая начатый К. Симоновым в его докладе творческий разговор, мы должны воспитывать нашу молодежь в атмосфере разнообразной проблематики, разнообразия стилей, которые представляют шаг передовой метод. Однако не слишком ли щедро мы употребляем это большое, многозначное слово «стиль»? Стиль писателя отражает богатство его жизненного опыта, как современника, — особенно такой великой и сложной эпохи, как наша эпоха.

А мы иногда слишком расхваливаем молодого писателя за то, что его литературная манера будто уже вполне создалась. А молодой писатель еще только набирается сил, он должен учиться, и ему нужно помогать, а не кружить голову.

Горький оставил нам не только образцы работы вообще с рукописью известных и неизвестных авторов, но и образцы критериев, которые определяют ценность произведения в тех принципиально новых чертах, которые содержатся в нем. Высоким классическим примером этого является оценка Горьким «Педагогической поэмы» Макаренки. Потому-то мне жалко, что Макаренко не вошел в наш исторический творческий разговор, — ведь творчество Макаренко представляет собой благодарнейший материал оригинального, самобытного, большого стиля.

Горький оставил нам еще одну традицию, о которой мы не всегда помним: умение понимать и учитывать те, на первый взгляд, внешние условия писательской работы, которые на деле имеют самое близкое отношение к творчеству.

В докладе А. Суркова приведены интересные факты, из которых полезно сделать некоторые выводы для нашей живой практики. О чем говорит, например, приведенные в докладе факты с книгами Веры Пановой, Михаила Бубликова, получивших всенародное признание после войны, в сороковых годах, хотя эти писатели начали свой путь гораздо раньше? «Большая судьба» их книг пришла к ним после того, как их талант, взгляды на жизнь окрепли в суровой школе испытаний, обогащенной их впечатлениями, забываемое сильными и прекрасными, в результате чего и появились такие произведения, как «Спутники», «Белая береза», «Война и мир» — это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. «Война и мир» есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось... История русской литературы со времени Пушкина — не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не дает даже ни одного примера противоположного... В новом периоде русской литературы нет ни одного художественного произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести.

Так же «не укладывался» Дм. Фурманов в общепринятые жанры и формы. Новаторский стиль, который он выработал, тре-

создавать иным писателям тех репутаций, которых они не заслуживают.

В докладе А. Суркова радостно прозвучало сообщение об открытии новых и возобновлении существовавших до войны журналов. Хочется пожелать новому правлению Союза писателей так поставить работу журналов, чтобы все поколения советской литературы дружно показывали на журнальных страницах богатство своей проблематики и ее художественного воплощения, чтобы все молодое и талантливое было замечено, чтобы, наконец, конкрет-

Дорогие товарищи! Как ни тяжело мне было подниматься на эту трибуну, но долгом своей совести, партийным своим долгом я считаю, что необходимо выступить против непартийной по духу и, я бы сказал, мелкотравчатой речи товарища Шолохова. (Аплодисменты).

Наш съезд — большое событие в жизни нашей литературной организации, и не только нашей литературной жизни, но и большое событие в жизни нашего народа, политическое событие. Наша партия оказывает огромное внимание нашему съезду. Поэтому каждый из выступающих с этой трибуны обязан не забывать, что на нем лежит большая ответственность за каждое сказанное слово. (Аплодисменты).

Такому писателю, как М. А. Шолохов, пользующемуся огромным авторитетом, не следовало ронять своего достоинства. Критиковать можно и нужно, резко, может быть, критиковать, но критика критике — рознь. Принципиальная критика ничего не имеет общего с зубоскальством и балаганным злобством.

Уже в 1931 году Горький сказал: «Незаметно, между прочим, у нас создан подлинный и высокохудожественный исторический роман...» — это естественно, ибо никогда ни одна эпоха не была так глубоко исторична, как наша. Мы видим воочию: история блюдет справедливость, разум и добро побеждают в мире.

Писатель стремится запечатлеть великое значение народного подвига в настоящем и в будущем, разъяснить его величайший смысл. Так история дает направление искусству и входит через искусство в нашу жизнь.

Влияясь как бы исходной позицией в будущее, настоящее вместе с тем есть и самое закономерное и неизбежное следствие прошлого. И понять и разъяснить его вне связи с прошлым невозможно.

Вот почему подлинно советская художественно-историческая литература непременно служит целям возможно полного сближения читателя с современностью, а уж никак не отдаления от нее.

До войны она развивалась в двух направлениях. Первое — ярко представлено самым крупным и талантливым произведением истекшего десятилетия — «Петром I» А. Толстого. Автор устанавливает в нем социальные взаимоотношения человеческой личности с обществом, объясняет в нем человека его связями с обществом. Второе — представлено Тихомировым, Форм и другими. Это — историко-биографическое направление. Здесь история встает в образе и в судьбе отдельной человеческой индивидуальности, и человек, как правило, гибнет в поединке с эпохой.

Однако к концу предвоенного периода уже можно было ясно видеть, как тема личной судьбы постепенно начала заключаться коллективным образом большой человеческой массы, в которой как бы сливались воли и характеры великого множества людей.

Так были написаны «Дмитрий Донской» С. Бородина, «Севастопольская страда» С. Сергеева-Ченцова.

Художественно-историческая литература претчевывала приближение военной грозы. Обращаясь к патристическому сознанию советского народа, она готовила его к встрече с бурей. И вот пришла она, эпоха грозных подвигов, праведного народного гнева и бесчисленных всенародных жертв.

Временем этим если не рожден, то как бы взращен особый тип исторического произведения. И в нем народ выступает, как творец эпохи, как подлинный выразитель ее смысла.

Но та часть народа, на которой по преимуществу лежит основной труд творчества, та есть военный труд эпохи, стоит впереди. Это армия. Здесь лицо эпохи, лицо ее массового героя.

Таковы основные исторические романы времен Великой Отечественной войны, например «Порт-Артур» Степанова и другие.

Кончались война. Народ наш сознательно и дружно строит организационные формы своей жизни, устанавливает сущность, смысл и цель своего движения вперед.

С этой высоты история представляется нам с особой ясностью, именно как процесс, как движение, и о чем бы ни писал исторический романист в наши дни, он непременно приходит к теме труда и подвига в труде.

Герой современного художественно-исторического произведения — истинно народный герой своей эпохи, а сам роман о подобном герое есть прежде всего роман о воспитании народного характера.

Надо было бы подвести историческую тематику поближе к настоящему времени, слепить ее развитие в прямых интересах будущего.

Так нет же! Историческая тема была объявлена незаконно разрозненной, и секция художественно-исторического жанра в Союзе писателей упразднена. Атмосфера творческого общения исчезла вместе с исчезновением секции. Немало вопросов, органически связанных с особенностями жанра, остаются не обсужденными и нерешенными.

Безвозвучность, окружающая жанр, сказалась и в докладах и сокладах на съезде и в недавней статье «Литературной газет-

ты» — «Двадцатилетие». В 30 строчках статьи, посвященных вопросу, все дело сведено, по обыкновению, к установке эталона. Эталоном, тоже по обыкновению, объявлен «Петр I» Алексея Толстого. Больше ни о чем ни слова. Если бы не существовал «Петр I», то и тов. Сурков не обмолвился бы об исторической теме в своем докладе. Тов. Полосов просто не заметил этой формы, хотя он делал доклад о детской и юношеской литературе. А тов. Симонов так изящно и легко скользнул по вопросу, что и следа не осталось никакого.

Заглянем в текст приветствия ЦК партии Второму съезду писателей. Там говорится: «Нет еще монументальных художественных произведений о героизме российского пролетариата и ленинской партии в период первой русской революции и Великой Октябрьской социалистической революции».

Да ведь это же прямая речь о досадных белых пятнах на карте развития исторической темы в нашей литературе.

А между тем, есть люди, и у людей есть силы. Но все это вянет, когда натакаивается на глухую тенденцию противопоставления современности и истории.

Пелопое противопоставление, порочная тенденция. В наше время это доказывает своим творчеством Говард Фаст. А раньше гениально доказал Лев Толстой, написав «Войну и мир» — самую современную книгу, с которой воевали наши люди в Великую Отечественную войну. Что же делать?

Надо прежде всего содействовать творческим усилиям всех видов нашей литературы. А для этого — очень хорошо знать всю литературу без изъятия. И, как последний вывод, — точно и верно ее оценивать.

Это — уже вопрос об идейно-эстетических критериях. Обзорно-оценочные статьи, каких немало появилось перед съездом в «Литературной газете», похожи на мнереалистическую коллекцию в музее. Камешки разложены по полочкам — очень красиво. На каждой полочке по камешку, все под ярлычками и всегда — одни и те же.

В основе идейно-эстетических критериев и оценок «Литературной газеты» лежит только умозрительная работа присяжных обозревателей. А должно бы лежать еще и живое читательское восприятие.

Лев Толстой считал, что главная задача художника — заразить читателя. Если искусство заражает, то есть воспитывает, — оно подлинно. И наоборот.

Кульминационный пункт воздействия, который может и должен оказывать советский исторический роман на своих читателей, — в том, что они, «заражаясь» его правдой, практически следуют по направлению, указанному этой правдой.

Это — прямое, так сказать, любовое воздействие. Оно ведет читателя к конкретным поступкам, иногда к подвигам и к героизму.

Мне кажется, для того, чтобы написать критическую статью о художественном произведении, не всегда достаточно критику это произведение прочитать и обдумать.

Следует зайти критику еще и в одну другую библиотеку, где это произведение читается, где ищутся читателями почти всегда умные, честные, горячие, острые отзывы, поточковать с библиотекарями, среди которых есть множество вдумчивых людей, и только подперев таким способом свои личные впечатления читательскими, братья за перо.

Думается, что союзу нашему дозрелу надо выйти из кабинетов на рабочий простор. Дела много. Литература идет вперед, ширится, ломает условные рамки жанровых канцелярий. Она хочет стать литературой, действительно достойной великих дел, великой народной силы и победного труда.

Пусть же служит этой благородной и прекрасной цели наш обновленный ЦСП! (Аплодисменты).

Заявление Ф. ГЛАДКОВА

Дорогие товарищи! Как ни тяжело мне было подниматься на эту трибуну, но долгом своей совести, партийным своим долгом я считаю, что необходимо выступить против непартийной по духу и, я бы сказал, мелкотравчатой речи товарища Шолохова. (Аплодисменты).

Наш съезд — большое событие в жизни нашей литературной организации, и не только нашей литературной жизни, но и большое событие в жизни нашего народа, политическое событие. Наша партия оказывает огромное внимание нашему съезду. Поэтому каждый из выступающих с этой трибуны обязан не забывать, что на нем лежит большая ответственность за каждое сказанное слово. (Аплодисменты).

Такому писателю, как М. А. Шолохов, пользующемуся огромным авторитетом, не следовало ронять своего достоинства. Критиковать можно и нужно, резко, может быть, критиковать, но критика критике — рознь. Принципиальная критика ничего не имеет общего с зубоскальством и балаганным злобством.

Речь С. ГОЛУБОВА МОСКВА

Уже в 1931 году Горький сказал: «Незаметно, между прочим, у нас создан подлинный и высокохудожественный исторический роман...» — это естественно, ибо никогда ни одна эпоха не была так глубоко исторична, как наша. Мы видим воочию: история блюдет справедливость, разум и добро побеждают в мире.

Писатель стремится запечатлеть великое значение народного подвига в настоящем и в будущем, разъяснить его величайший смысл. Так история дает направление искусству и входит через искусство в нашу жизнь.

Влияясь как бы исходной позицией в будущее, настоящее вместе с тем есть и самое закономерное и неизбежное следствие прошлого. И понять и разъяснить его вне связи с прошлым невозможно.

Вот почему подлинно советская художественно-историческая литература непременно служит целям возможно полного сближения читателя с современностью, а уж никак не отдаления от нее.

До войны она развивалась в двух направлениях. Первое — ярко представлено самым крупным и талантливым произведением истекшего десятилетия — «Петром I» А. Толстого. Автор устанавливает в нем социальные взаимоотношения человеческой личности с обществом, объясняет в нем человека его связями с обществом. Второе — представлено Тихомировым, Форм и другими. Это — историко-биографическое направление. Здесь история встает в образе и в судьбе отдельной человеческой индивидуальности, и человек, как правило, гибнет в поединке с эпохой.

Однако к концу предвоенного периода уже можно было ясно видеть, как тема личной судьбы постепенно начала заключаться коллективным образом большой человеческой массы, в которой как бы сливались воли и характеры великого множества людей.

Так были написаны «Дмитрий Донской» С. Бородина, «Севастопольская страда» С. Сергеева-Ченцова.

Художественно-историческая литература претчевывала приближение военной грозы. Обращаясь к патристическому сознанию советского народа, она готовила его к встрече с бурей. И вот пришла она, эпоха грозных подвигов, праведного народного гнева и бесчисленных всенародных жертв.

Временем этим если не рожден, то как бы взращен особый тип исторического произведения. И в нем народ выступает, как творец эпохи, как подлинный выразитель ее смысла.

Но та часть народа, на которой по преимуществу лежит основной труд творчества, та есть военный труд эпохи, стоит впереди. Это армия. Здесь лицо эпохи, лицо ее массового героя.

Таковы основные исторические романы времен Великой Отечественной войны, например «Порт-Артур» Степанова и другие.

Кончались война. Народ наш сознательно и дружно строит организационные формы своей жизни, устанавливает сущность, смысл и цель своего движения вперед.

С этой высоты история представляется нам с особой ясностью, именно как процесс, как движение, и о чем бы ни писал исторический романист в наши дни, он непременно приходит к теме труда и подвига в труде.

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Речь Мехми ГУСЕЙНА АЗЕРБАЙДЖАН

Товарищи! Я думаю, что сегодня на нашем съезде при обсуждении творческих проблем литературы народов СССР будет целесообразно поговорить о великих традициях русской литературы, о ее живом и богатом опыте.

На реалистических традициях русской литературы выросли такие выдающиеся представители литературы Советского Востока, какими мы знаем Ауэзова и Муканова в Казахстане, Айти и Улуг-заде в Таджикистане, Кербабаева в Туркменистане, Демирчяна, Степана Зоряна в Армении, Биачели в Грузии, Рагимова и Ибрагимова в Азербайджане.

Этот вопрос интересен даже с точки зрения развития самой русской советской прозы. Для народов Советского Востока, в том числе и для азербайджанцев, вопрос использования высоких традиций русской литературы стал важнейшим жизненным вопросом.

Под благотворным влиянием русской литературы выдвинулись писатели, которым по праву гордится азербайджанский народ: М. Ф. Ахундов, Д. Мамед-Були-заде, Н. Нариманов, А. Ахердов, Джафар Джаббарлы. Писатели же, оставшиеся в стороне от этого влияния, создали лишь порочные произведения из истории Ислама, о полководцах захватнических армий, культивируя религиозно-мифические мотивы, решительно отвергнув народом.

Сатира Гоголя и Шедрина оказала исключительное глубокое влияние на дореволюционную азербайджанскую прозу, особенно на таких ее представителей, как Мамед-Були-заде и Ахердов. Общественное направление русской сатиры определило содержание азербайджанской обличительной прозы.

Решающую роль в появлении первых азербайджанских романов сыграл современный русский советский роман. Это были годы, когда проблема культурной революции была насущнейшей проблемой.

В этот же период, когда уже появились выдающиеся романы русской советской литературы: «Железные потоки», «Чапаев», «Разгром», «Цемент», первая книга «Тихого Дона». Особенно велико было влияние книги Горького.

Я глубоко верю в то, что самым крупным достижением единой советской литературы за все время ее развития являются образы положительных людей — героев нашей эпохи. Эти образы множатся с каждым годом. Абстрактны и даже, может быть, метафизичны суждения тех, кто требует, чтобы авторы наделяли создаваемых им характеры в определенных дозах положительными и отрицательными качествами.

Для писателя-реалиста знание жизни

так же необходимо, как, например, для ученого-физиолога постоянное наблюдение и исследование живого организма. Но разговоры о необходимости изучения жизни вообще и положительного героя в частности доходят до того, что иным товарищам-литераторам кажется, что изучение жизни является единственным условием для создания большого произведения искусства с ярким образом положительного героя.

Некоторые писатели даже наивно полагают, что творческие комалировки — единственный путь к большому искусству. Товарищи, думающие так, с моей точки зрения, недооценивают роли самой личности художника, человека-созидателя, человека-мыслителя, его способности по-исследовательски обобщать, осмысливать реальную действительность, свой жизненный опыт и творчески воплощать эту действительность в образы.

Если мы проследим, как создавался положительный герой в азербайджанском советском романе, то со всей ясностью увидим, что в лучших его образах наши писатели, не повторяя приемов друг друга, разрешали проблему изображения современного советского человека разными способами. Например, в романах Сулеймана Рагимова, Мирзы Ибрагимова, А. Абульгасана, А. Велиева или представителей молодого поколения литературы Г. Сеидовой и Н. Касумова положительные герои изображаются в большинстве случаев в развитии; если эти герои не могут еще подняться по силе воздействия до уровня Власова, Корчагина или молодого гвардейца, это происходит не от ошибочности творческих принципов автора, а от недостаточного мастерства, недостаточной общей культуры, недостаточного изучения своих современников.

Товарищи, не умеющим исторически подойти к литературным событиям, может показаться, что я преувеличиваю успех родной литературы. Вся советская литература и ее неотъемлемая часть — азербайджанская советская литература, развивая традиции литературы прошлого, показывает народ широко, масштабно. Недостатки в области художественного мастерства не могли помешать новаторству, любовному и живому описанию народной жизни, людей труда, их душевного богатства, ценности их характеров. В литературе прошлого немало героических образов. Однако самые выдающиеся представители классического реализма не оставили нам произведений, глубоко воспевавших людей труда. Эту проблему решила русская советская литература и за нею — литературы других народов Советского Союза. Новое содержание создало новое качество. Азербайджанский роман — детские азербайджанской советской литературы. Рядом с дальнейшим развитием этого жанра мы должны ясно видеть те недостатки, которые мешают ему.

Творчески овладевая замечательными традициями классической русской литературы и советской литературы, чтобы создавать новое, — такова наша главная задача, задача дальнейшего развития метода социалистического реализма. (Аплодисменты).

Вопрос овладения мастерством построения сюжета — это кардинальнейший вопрос развития нашей драматургии. «Теория» бесконфликтности появилась у нас не случайно. Она является прямым отражением оппортунистической теории затухания классовой борьбы, и мы должны очень бдительно следить за всеми ее проявлениями, ибо без полного разоблачения этой теории невозможно создание полноценного советского репертура.

В этой связи я должен сказать, что меня особенно интересует вопрос создания советской комедии, в частности, комедии сатирической. Известные слова товарища Маленкова о том, что нам нужны Гоголи и Шедрины, нашли горячий отклик в сердцах писателей. Сразу же появилось несколько более или менее удачных комедий, а потом — снова вступила в действие та же «теория» бесконфликтности, только в еще более завуалированном виде. И вот уже нашлись перестраховщики, стоящие на разных ступенях лестницы, по которой проходил несча, которые начали говорить, что лицо, занимающее высокий пост, критиковать не надо, потому что недостатки для такой персоны не типичны, а типичны они для лиц, занимающихся в «стабелях и рентах» положение не выше второго или третьего места снизу. И уже начали требовать, чтобы положительный герой в сатирической комедии был во что бы то ни стало ее основным и главным действующим лицом. А в результате всего этого хороших сатирических комедий у нас нет.

И совершенно уверен в том, что более сильного и яркого героя, чем смех, бичующий все и всяческие пороки и язвы, которые еще есть в нашей жизни, придумать нельзя. Важно, чтобы точка зрения автора была выражена с такой остротой и ясностью, чтоб никаких сомнений в том, что он бичует, высмеивает, уничтожает огнем сатиры, на чьей стороне он стоит, у зрителя появиться не могло.

Если зритель негодует, смеется, осуждает, значит он сам становится главным положительным героем, и это также значит, что цель комедии достигнута.

А раз это есть, то совершенно беспредметным становится спор о соотношении мест героев — положительных и отрицательных, потому что репутация в этом деле приводит к тому, что у нас появляются комедии, где даже улыбнуться нельзя.

Если, справедливо критикуя клеветнические песни, мы заодно начинаем битьсь с великой сатирической комедией, то это неправильно, и уж наверняка комедий в наших театрах долго не будет.

Вот здесь, мне кажется, место поговорить о комедии Минко «Не называя фамилий», о которой так мало было сказано в наших докладах. Я думаю, что эта комедия имеет много положительных качеств

и много недостатков. Мне как-то пришлось говорить с одним ответственным работником, который сказал: «Нетипичная это песня. Ну, сколько у нас в СССР заместителей министров, ну, пятьсот человек, ну, тысяча. Стоит ли так подирать их авторитет, стоит ли о них так писать?»

Именно в этих словах собока зарыта. Большая подыра авторитета — страшная, убойственная штука для сатиры. Позволяю комитету спросить, сколько вообще было командующих фронтами? Их было не пятьсот, и не тысяча, их было всего восемь или десять. И, несмотря на это, мы все знаем, какое значение для страны имел «Фронт». До тех пор, пока критика недостатков человека, стоящего на каком-то посту, — высоким или низким, это безразлично, — будет расцениваться, как критика самого поста или как критика всей нашей действительности, хороших сатирических песен не будет.

Я глубоко убежден, что оценка песни должна основываться не на ее качествах, а не на слухах, которые во все века и эпохи возникали вокруг всякого острого и талантливое произведения.

В день открытия нашего съезда ЦК партии обратился к писателям нашей страны с приветствием, которое наполнило мое сердце законной гордостью за рост и развитие нашей советской литературы.

В этом приветствии я вижу высокую оценку писательского труда, высказанную нашей партией, нашим народом. И надо сказать, что мне очень жаль, что такой большой писатель, как М. А. Шолохов, в своем, во многом правильном выступлении в вопросе оценки нашей советской литературы и высоких задач, которые перед ней поставлены, не поднялся на ту высоту, на которой стоят его собственные произведения.

Наша Родина растет и развивается с каждым днем. Будем же достойны великих дел, совершающихся в нашей стране, создадим новые произведения, достойные подвигов нашего великого народа. (Аплодисменты).

Трудно дать писателям определенный рецепт для создания образа положительного героя. Только на примерах уже созданных образов можно говорить о том, какой из героев написан сильнее, какой ближе к сердцу народа. Мне думается, что речь надо вести не о рецептах «идеального» героя, а о другом: о позиции самого писателя, о силе его художественного обобщения, о его наблюдательности и таланте.

Товарищи! За двадцатилетие, отделяющее нас от Первого съезда, поэты Советского Востока создали немало значительных произведений, внося свой вклад во всеобщую поэзию. Но многих вопросов мы еще не решили. У нас нет полной ясности в вопросе о новаторстве и традициях, о поэтическом языке, о характере современной эпической поэзии. Мы еще недостаточно используем многообразные жанры поэзии. В республиках Советского Востока трудно назвать поэму, где был бы дан яркий, типический образ нашего современника, его полнокровный характер, отражены его стремления и чаяния. Такие жанры, как басня, памфлет, фельетон, развиваются слабо.

Здесь, на съезде, уже говорили о взаимодельствии, взаимопропонижении национальных литератур. Я хочу отметить одну существенную сторону этого вопроса.

Одной из лучших традиций нашей отечественной науки является ее давний, нерасторжимый союз с художественной литературой. У коллегий Российской Академии наук стоял, как известно, великий ученый и поэт Михаил Ломоносов. Но только в советскую эпоху созданы поистине благоприятные условия для тесного сотрудничества мира науки и мира литературы. По слову Горького две силы наиболее успешно содействуют воспитанию культурного человека: искусство и наука. Неопишем тот влад, который внес в дело сближения людей науки и литературы сам Алексей Максимович Горький, великий писатель, отдавший столько сил и энергии, столько любви и страсти всемирному делу развития науки страны социализма. Горький и советская наука — тема для большого разговора, весьма и весьма почетного как для деятелей науки, так и для литераторов.

Советская наука внесла ценный вклад в дело технического прогресса и подъема благосостояния народов. Она помогла во много крат увеличить могущество нашего социалистического Отечества.

Наша советская наука помогает осуществлению великих ленинских принципов широчайшей электрификации всей страны, она владеет способом выделения ядерной энергии, и это открывает широчайшие перспективы использования колоссальной внутренней энергии атомов в целях мирного строительства.

Грандиозные перспективы технического прогресса, связанные с открытием и использованием атомной энергии, дают основания говорить, что мы вступили в полосу исторического развития, которая, по справедливости, может быть названа веком электронной автоматизации и атомной энергии. На примере использования атомной и термоядерной реакции и электронной техники чрезвычайно ярко выявляется принципиальное, коренное различие капиталистического и социалистического строя общественной жизни. Если в США атомная энергия используется в интересах завоевания мирового господства империалистическими монополиями, подавления национального суверенитета народов и развязывания агрессивных войн, то овладение атомной и водородной энергией людьми социалистического мира поставлено на службу иному — имено мирным целям. Ближайшей задачей науки и промышленности в Советском Союзе является широкое использование атомной энергии и открытой советскими учеными термоядерной водородной реакции в мирных целях подъема производства, повышения благосостояния народа и небывалого роста культуры советских людей.

Очень много нового и увлекательно интересного происходит в мире нашей науки. Мастера литературы социалистического реализма, стремящиеся к всестороннему, глубокому правдивому отображению нашей социалистической действительности, нашего сегодня и нашего завтра, должны хорошо изучить этот пласт жизненного материала, раскрыть всю важность происходящих в науке процессов, отразить их во всей сложности. Наука — это современное состояние и перспективы — может оказать благотворное воздействие на литературу. На это в свое время настойчиво указывал Горький.

Мы приглашаем вас почтнее заглядывать в наши институты, побольше интересоваться жизнью этих важных для нашего времени учреждений. Вам интерес к проблемам науки всегда будет находить живой отклик среди ученых, и мы го-

товарищи оказывать вам всемерное содействие в этом направлении. (Аплодисменты).

Мы надеемся, что это принесет в литературу и новые образы, которых ей до сих пор не хватает.

Среди больших научных проблем, которыми занимается Академия наук СССР, почетное место принадлежит общественным наукам.

В наступающем году будут изданы оставшиеся тома десятилетнего «Истории русской литературы»; завершается работа над капитальными историями английской, немецкой, французской литератур. Начата работа по изучению современной зарубежной прогрессивной литературы, в первую очередь литературы стран народной демократии.

Предпринято очень важное начинание, которое позволит серьезно подойти к изучению творческого опыта советской литературы. Уже вышли в свет очерки истории русской, украинской, белорусской советских литератур, подготовленные Академией наук СССР в тесном сотрудничестве с академиями наук союзных республик. Отлично отметить, что в этой работе, наряду с учеными, приняли непосредственное участие писатели и критики.

Академия наук СССР намечает проведение научных исследований по ряду важнейших теоретических и историко-литературных проблем: закономерности развития литературы народностей и литературы наций, взаимодействие и взаимовлияние национальных литератур, основные этапы становления художественного реализма в мировой литературе, генезис социалистического реализма и пути его развития. Из лингвистических проблем, разрабатываемых в Академии наук СССР, назовем проблему закономерности формирования и развития литературных языков, ближайшим образом связанную с практикой советской литературы. Издана научная грамматика русского языка, издаются словари русского языка.

Успешная работа в области литературоведения, проводимая Академией наук СССР, невозможна без теснейшей и повседневно связи академических институтов с Союзом советских писателей СССР и местными писательскими организациями. О плодотворности этих деловых связей можно судить по ряду совместно проведенных широких творческих дискуссий.

Мы надеемся, что наши писатели и критики станут еще более активными участниками научных сессий, дискуссий и других мероприятий, проводимых Академией наук СССР. Мы надеемся также, что писатели и критики войдут для активной работы в редколлегии наших академических журналов. Было бы весьма целесообразным издание теоретического и историко-литературного журнала, осуществляемого совместно Академией наук СССР и Союзом советских писателей.

Партия призывает писателей к смелым творческим дерзаниям, к обогащению и дальнейшему развитию всех видов и жанров литературы, к повышению уровня художественного мастерства. Мы, ученые, уверены, что этот призыв Центрального Комитета Коммунистической партии найдет горячий отклик в сердцах советских писателей и будет успешно претворен в жизнь.

Да здравствует передовая советская культура, глашатай идей гуманизма и прогресса! Да здравствует наш великий советский народ, творец всех материальных и духовных ценностей! (Аплодисменты).

Рис. И. Ишча

Речь М. ТУРСУН-ЗАДЕ ТАДЖИКИСТАН

Передовые традиции этих литературных величин не могли не воздействовать на современную поэзию. Об этом нельзя умалчивать. Это факт. Мы, национальные поэты, с разнообразными, своими голосами формировались на национальной почве. Мы восприняли все лучшее, передовое, что есть в творчестве наших великих предков.

Вместе с тем современная поэзия Советского Востока — это поэзия реалистическая. Трудно переоценить воздействие на нее великих русских поэтов, воздействие Пушкина, Лермонтова, Некрасова, лучших поэтов Запада — Шекспира, Гете, Миллерева. Трудно переоценить воздействие на нее Маяковского, а также русских поэтов-современников. В этом есть своя закономерность. С победой Великого Октября в духовный мир человека Советского Востока вошло все духовное богатство передовой культуры человеческого общества.

Принять старую культуру стиха — не значит перенести буквально в свои стихи старые образы, сравнения, метафоры, интонации. Иначе мы внесем в нашу современную поэзию застывшие формы и штампы, а это потянет нас назад, как и произошло в произведениях некоторых наших поэтов, до сих пор находящихся еще в плену у дожноклассической традиции.

Это существенный вопрос, от которого зависит перспектива дальнейшего развития поэзии Советского Востока.

В содержательном, интересном и во многом смелом докладе Самеда Вургуня, мне кажется, этот вопрос не нашел должного и ясного отражения.

Говоря о революционной романтике, Самед Вургун привел много примеров из мирового поэтического творчества. Он назвал и «Лейли и Мелжун» Низами. По моему мнению, докладчику нужно было гораздо глубже разработать отличия романтики Низами от романтики Пушкина. Это различие колоссально! Романтика Пушкина — это романтика оптимизма, активного отношения к жизни. Именно эти особенности, присущие глубокому реализму Пушкина, помогли передовым представителям поэзии Востока, разбудили их мысли, чувства от вековой застывленности, дали им крылья. Вот почему Мирза Фатали Ахундов, скорбя о великой утрате — смерти Пушкина, написал прекрасную «Восточную поэму», где его мысли перекликаются с мыслями другого художника — Михаила Лермонтова, автора стихотворения «Смерть поэта». Великий Абай не вышел бы за рамки канонов восточной поэзии, если бы не обратил свой взор на поэзию Пушкина.

Есть тенденция в таджикской поэзии и в поэзии литераторов других братских народов, особенно восточных, считать, что пышность обогащает, украшает поэзию. На самом деле это далеко не так. Ведь мы в нашей жизни, в глубине, в гуще народа находим прекрасные образцы поэтической речи, очень сильной, яркой и образной, глубокой как по содержанию, так и по форме выражения.

Современному поэту нужно показывать именно эти реальные, жизненно достоверные образцы, а не заниматься схоластическим измыслом, кабинетным отбором воображаемой речи наших воображаемых героев.

К этому добавим, что каждая эпоха рождает свои «высокие слова». Надо искать высокие слова, чтобы выразить высокие мысли и чувства советского человека.

Думается, что копирование классиков — признак растерянности поэтов перед величием классической поэзии, неяркое восприятие ее традиций. Это неправильные поиски национальной формы, замалчивание ее статических, охемических форм, а не нового, современного состояния, определяемого современной жизнью советских народов.

Товарищи! Нам дороги традиции Горького. Мы хотим, чтобы наши крупнейшие мастера слова по-настоящему руководили развитием нашей литературы, заботились о росте новых талантов.

Теперь я хочу поговорить о некоторых, на мой взгляд, существенных вопросах развития современной поэзии республики Советского Востока. Я имею в виду проблему творческого освоения традиций классической литературы прошлого.

На Востоке изредка была мощная поэзия, представленная такими великими именами, как Фирдоуси и Гафи, Низами и Навои, Саади и Омар Хайям, народными эпосами Кювигизи и Казахстана.

Товарищи! Нам дороги традиции Горького. Мы хотим, чтобы наши крупнейшие мастера слова по-настоящему руководили развитием нашей литературы, заботились о росте новых талантов.

Теперь я хочу поговорить о некоторых, на мой взгляд, существенных вопросах развития современной поэзии республики Советского Востока. Я имею в виду проблему творческого освоения традиций классической литературы прошлого.

На Востоке изредка была мощная поэзия, представленная такими великими именами, как Фирдоуси и Гафи, Низами и Навои, Саади и Омар Хайям, народными эпосами Кювигизи и Казахстана.

Товарищи! Нам дороги традиции Горького. Мы хотим, чтобы наши крупнейшие мастера слова по-настоящему руководили развитием нашей литературы, заботились о росте новых талантов.

Теперь я хочу поговорить о некоторых, на мой взгляд, существенных вопросах развития современной поэзии республики Советского Востока. Я имею в виду проблему творческого освоения традиций классической литературы прошлого.

На Востоке изредка была мощная поэзия, представленная такими великими именами, как Фирдоуси и Гафи, Низами и Навои, Саади и Омар Хайям, народными эпосами Кювигизи и Казахстана.

Товарищи! Нам дороги традиции Горького. Мы хотим, чтобы наши крупнейшие мастера слова по-настоящему руководили развитием нашей литературы, заботились о росте новых талантов.

Теперь я хочу поговорить о некоторых, на мой взгляд, существенных вопросах развития современной поэзии республики Советского Востока. Я имею в виду проблему творческого освоения традиций классической литературы прошлого.

Товарищи! Нам дороги традиции Горького. Мы хотим, чтобы наши крупнейшие мастера слова по-настоящему руководили развитием нашей литературы, заботились о росте новых талантов.

Теперь я хочу поговорить о некоторых, на мой взгляд, существенных вопросах развития современной поэзии республики Советского Востока. Я имею в виду проблему творческого освоения традиций классической литературы прошлого.

На Востоке изредка была мощная поэзия, представленная такими великими именами, как Фирдоуси и Гафи, Низами и Навои, Саади и Омар Хайям, народными эпосами Кювигизи и Казахстана.

Товарищи! Нам дороги традиции Горького. Мы хотим, чтобы наши крупнейшие мастера слова по-настоящему руководили развитием нашей литературы, заботились о росте новых талантов.

Теперь я хочу поговорить о некоторых, на мой взгляд, существенных вопросах развития современной поэзии республики Советского Востока. Я имею в виду проблему творческого освоения традиций классической литературы прошлого.

На Востоке изредка была мощная поэзия, представленная такими великими именами, как Фирдоуси и Гафи, Низами и Навои, Саади и Омар Хайям, народными эпосами Кювигизи и Казахстана.

Товарищи! Нам дороги традиции Горького. Мы хотим, чтобы наши крупнейшие мастера слова по-настоящему руководили развитием нашей литературы, заботились о росте новых талантов.

Теперь я хочу поговорить о некоторых, на мой взгляд, существенных вопросах развития современной поэзии республики Советского Востока. Я имею в виду проблему творческого освоения традиций классической литературы прошлого.

На Востоке изредка была мощная поэзия, представленная такими великими именами, как Фирдоуси и Гафи, Низами и Навои, Саади и Омар Хайям, народными эпосами Кювигизи и Казахстана.

Товарищи! Нам дороги традиции Горького. Мы хотим, чтобы наши крупнейшие мастера слова по-настоящему руководили развитием нашей литературы, заботились о росте новых талантов.

Теперь я хочу поговорить о некоторых, на мой взгляд, существенных вопросах развития современной поэзии республики Советского Востока. Я имею в виду проблему творческого освоения традиций классической литературы прошлого.

На Востоке изредка была мощная поэзия, представленная такими великими именами, как Фирдоуси и Гафи, Низами и Навои, Саади и Омар Хайям, народными эпосами Кювигизи и Казахстана.

М. Исаковский Якуб Колас С. Маршак С. Герасимов Мирзо Турсун-заде

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Речь Г. ЛЕОНИДЗЕ ГРУЗИЯ

Наша поэзия, поэзия советских народов, это не разноцветный ковер, как иногда любят говорить, а единое боевое знамя. (Аплодисменты). Мы, советские поэты и писатели, — воины этого знамени. Нам родил народ, и жизнь народа вскармливает нас. В грузинской народной песне говорится, что только тот поэт заслужил право на творческий подвиг, кто проложил гражданскую доблесть. Этот высокий моральный облик должны сохранить и поэты нашей советской эпохи.

Я согласен с М. Шолоховым, что в нашу литературу проникла некоторый поток серых произведений. Но, к нашему счастью, советская многонациональная литература, как известно, обладает также большими, замечательными достижениями, о которых говорит весь мир и о которых тов. Шолохов почти ничего не сказал. Почему-то тов. Шолохов не дал положительной программы.

Горький указал нам, что свои задачи мы сможем выполнить только сплоченными усилиями всех братских литератур страны, где благодаря ленинско-сталинской национальной политике утвердилась неразрывная дружба народов. И мне каким-то далеким прообразом этой дружбы представляется Давид Гурамишвили, который был русским солдатом, украинским хлебопашем и великим грузинским поэтом. (Аплодисменты).

За 20 лет грузинская советская поэзия выдвинула ряд значительных имен и создала немало произведений, которые вошли в сокровищницу советской литературы. Свидетельство тому и антология грузинской поэзии, изданная на русском языке.

Я с гордостью хочу отметить тот факт, что грузинская поэзия в переводах лучших мастеров русской поэзии и представителей других братских литератур нашла живую отклик в сердцах советского читателя. Я хочу выразить большую благодарность Тихонову, Пастернаку, Заболоцкому, Антокольскому, Державину, Ваянжу за их вдохновенную работу.

И грузинскими поэтами немало уже сделано в области переводов русской поэзии: в Грузии вышла антология советской русской поэзии. Но этого еще недостаточно.

Мы, грузинские поэты, имеем тесную и дружескую связь не только с русскими, но и с украинскими, белорусскими, узбекскими, армянскими, азербайджанскими, а также поэтами многих других братских советских республик.

Грузинская советская поэзия многообразна по своему облику, по широте творческих индивидуальностей.

Многие поэты у нас в Грузии, и поэтов разных!

Но главное, что мы должны констатировать, — за истекшие 20 летие во многом преобразилось лицо и дух грузинской поэзии. Грузинские поэты преодолели тяготы своей жизни, выйдя из-под влияния чуждой нам эстетики, вернулись к лучшим традициям классической грузинской поэзии, вобрал богатейший опыт передовой русской поэзии. Грузинская поэзия перешагнула через узкие рамки национальной замкнутости и ограниченности и заняла свое место на обширном плацдарме боевой советской поэзии. Тема дружбы народов органично вошла в грузинскую поэзию.

Однако мы, к сожалению, не можем сказать, что грузинская советская поэзия полностью отвечает на все требования, поставленные перед ней жизнью. Те болезни, которые свойственны всей нашей поэзии, и которые ей предстоит преодолеть, свойственны также и грузинской поэзии.

Великий Руставели завещал нам: тот, у кого нет умения слагать лиричные песни и искусно осаживать поэтического коня, напрасно ставит себя наравне со славными людьми.

К сожалению, мы не можем сказать, что уже выполнили эту заповедь поэта — не ограничиваясь короткими лирическими стихотворениями, а создавая эпос, в котором была бы запечатлена жизнь народа на важнейшем этапе его исторического бытия.

Мы говорим об этом недостатке грузинской поэзии потому, что, как нам представляется, из него исходят все остальные слабости и несовершенства ее.

В самом деле, может ли быть наша поэзия без глубокой философской мысли, без широкого исторического раскрытия нашего прошлого и нашего настоящего? Разве может быть создано подлинное поэтическое произведение, в котором даже сквозь призму личных переживаний героя не проступала бы во всей сложности и многообразии наша эпоха?

Советский поэт должен говорить прежде всего о человеке, показывать его во всем многообразии чувств и переживаний, во всем величии человеческого подвига. Это опять-таки не значит, что герой советской поэзии должен выступать этиками рыцарем без страха и упрека, которому несвойственны сомнения и колебания, волнения и тревога. Типичный герой, показанный поэтом в типических обстоятельствах с высокой мерой художественности, всегда будет живым и правдивым выражением эпохи.

Мы за высокую, правдивую поэзию социалистического реализма, глубоко идейную по содержанию и мастерскую по форме. Когда мы говорим о лирике, мы не за бездумную «мотыльковую» поэзию, а за поэзию большого чувства и подлинно человеческой страсти.

В некоторых произведениях советской поэзии мы не всегда находим в желанной мере ту силу чувства, которой должна отличаться лирика. Часто мы не ощущаем за словом биения человеческого сердца, да и само слово поэта не всегда может нас удовлетворить. Мы не можем не упрекнуть многих советских поэтов в том, что они не были всегда достаточно активны в поисках новых форм, что они иногда с легким сердцем несли в поэзию серые, штампованные слова.

Хочется сделать упрек и в адрес нашей критики.

Мне вспоминается обычай, который я в детстве наблюдал у садоводов. Когда дерево перестает плодоносить, хозяин приходит к нему на рассвете с седелом и один из них молча заносит топор, как будто собирается рубить дерево, а другой хватается за руку, говоря: «Не руби! Оно еще принесет плоды!» Это было своего рода возмездие, внушение. (Аплодисменты, смех).

Некоторые наши ретивые критики не удовлетворяются воздействием критического сава. Они подходят к дереву, плоды которого им не по душе, и никто не останавливает занесенного ими топора. (Аплодисменты).

Критик должен с бережливостью садовода расстилать наши молодые таланты! Как резко он это делает!

Товарищи! За двадцать лет неизменно выросла национальная литература. К сожалению, русские критики и литературоведы (кроме В. Гольцева) мало занимались вопросами национальной литературы и в частности, грузинской литературы. До сих пор русская критика сравнительно мало говорила о творчестве наших национальных поэтов, очень мало уделяла им внимания и «Литературная газета». Да и те статьи, которые появились, не отличались стремлением проникнуть в сердце нашей литературы.

И приветствую прекращение альманаха «Дружба народов» в ежемесячный журнал. Можно надеяться, что, став журналом, «Дружба народов» проявит больше внимания и к грузинской литературе.

Мы, писатели Грузии, ощущаем крайнюю нужду в своем журнале на русском языке, такой журнал нужен нам для популяризации лучших образцов грузинской литературы и для того, чтобы дать выход в свет произведениям русских писателей, живущих в нашей республике.

Вряд ли нормально и то, что большой отряд грузинских писателей располагает всего лишь одним литературно-художественным журналом. Тем более, что во время Первого съезда писателей, когда численность грузинской писательской организации была вдове меньше, в Грузии выходили три литературно-художественных журнала. Новый журнал нам необходим.

О. Гончар выступил здесь с предложением создать издательство национальных литератур в Москве. Я полностью присоединяюсь к этой мысли.

Второй съезд писателей закончил работу и подытожит достижения в области литературы накануне Нового года.

Мне вспоминается новогодний обычай, распространенный в Грузии среди крестьян: глава семейства под Новый год ударяет горячей головней о камин. Тысячи ярких искр рассыпаются вокруг, а хозяин приговаривает: «Пусть столько добра, столько хлеба и вина, столько золота, серебра, столько жемчужин принесет Новый год!» (Аплодисменты).

Вот я мне хочется сказать: пусть тысячи искр вспыхнут добрые слова и обещания, прозвучавшие с этой трибуны. Пусть Новый год принесет нашей многонациональной семье советских писателей и насыщенный хлеб поэзии, и животворящее вино поэзии, и сверкающие жемчужины молодых талантов! (Аплодисменты).

Речь В. КОЧЕТОВА ЛЕНИНГРАД

На протяжении последних года-двух в печати появилось немало литературных произведений — и повестей, и рассказов, и пьес, — в которых авторы, как бы отбросив время, в котором мы живем, с удивительной энергией занялись душеустройством своих героев, разрешая это душеустройство в извечных, неизменных для такого рода литературы формах: оженил или выдал замуж. На долю героев или героинь выпадают всецелые беды: то муж оказывается сухим, глупым, тупым делогой, то отца разоблачили как вора и негодяя, то героине с детских лет никто не смог поправить, и вот ей грозит вечное одиночество.

Ни о наших огромных задачах, ни о смысле нашей жизни, ни о величии наших дней и нашего человека герои этих книг не помышляют. Им хочется устроиться потеплее, поуютнее для души, и все! Если у историк, как говорят, есть некое колесо, в том числе, следовательно, и в истории литературы и искусства, то подобные произведения — о мелких судыбниках, о мелких житийских и мелких делниках — это поворот колеса назад, к прошлому, а не вперед, в будущее.

Странно, что некоторые из нас с большим художественным увлечением и с большей тщательностью отыскивают старое в

новом, а не напротив: новое в старом, если так можно выразиться. Старое — за ним не надо куда-то ходить или ездить, можно пребывать годами дома, старое — оно сидит в нас, в нашей памяти; вытаскивая его из сундука, латай и ставь в произведение, выдавая за новое.

А новое — в нем надо самому участвовать, им надо жить, водноваться. Оно удивительно. Ну вот, например, случай из жизни. Колхозница отказалась ехать на базар торговать теми продуктами, которые она честнейшим образом получила по трудодню. Она сказала: почему механик с льнозавода не торгует на базаре, а я, бригадир овиоцелоческой бригады колхоза, должна торговать? Да мне стыдно этим делом заниматься, да мой портрет был начатан в районной газете.

Товарищи, подумать только: поколения крестьян торговали на базарах, не теряя никаких сомнений, а тут крестьянка говорит: не желаю, стыдно. О каком же удивительном — и закономерном — сдвиге в ее сознании свидетельствует это нежелание!

Есть в Ленинграде старозаветный. Это — модельщик высшего класса. Он летает лет работав вручную, был все вселюбой конкуренции, полнейший монополист.

Он обладал тем, что называется «золотые руки». И вот взял человек и сконструировал станок, который совершенно свободно, механически стал выполнять все, что когда-то могли выполнять только эти «золотые руки». Ну, товарищи, разве это не удивительная черта нашего нового, советского человека?

Для советского писателя реально открылись такие богатства человеческой души, о которых наши классики, на коих мы постоянно ссылались, только мечтали. Почему же мы вместо того, чтобы со всей страстью, со всем жаром разрабатывать эти богатства в глубинах жизни, подчас довольствуемся черепками прошлого, принимая и выдавая их за драгоценности?

Некоторым товарищам, видимо, кажется, что наша литература и искусство находились (так, во всяком случае, я понял товарища Эренбурга в его повести «Оттепель») долгое время в состоянии некоего замораживания, анабиоза, если не хуже.

Это же совершеннейшая неправда! Разве мало появилось на свет после войны замечательных книг? И «Счастье» Павленко, и «Далеко от Москвы» Ажаева, и книги Бабаевского, Бетлинской, Мальцева, Поповкина, Николаевой и многих, многих других. Это — наши завоевания, результат поступательного движения, а не какой-то анабиотический спячки, после которой надо, чтобы капало с потолка, чтобы в лужах чиркали воробьи и чтобы населению наших книг непременно разбавлялось на счастливые парочки.

Допустим, авторы многих книг ошибались, подчас желаемое принимая и выдавая за сущее, слишком спешили забегать вперед. Но ведь они все-таки бежали вперед, а не тянули нас назад. И за это им спасибо. Нелегко ходить целиной, но не проплатному; немало сапог истреблещи. В комматных, хорошо обмозженных шапках таких родов не одолеешь. Многие из нас шли в деревоз сапожниках и немало натоптали. Но зато, как бы иначе, мы уже в значительной мере знаем, как изображать человека труда и в труде, что завещал нам Горький.

Теперь можно потешаться над теми из нас, которые, чтобы написать роман или повесть, старательно изучали доменный процесс, сталеварение, паровозостроение, а иной раз даже и акушерское дело, и эти свои знания демонстрировали на страницах книг. Но это ведь тоже было движение вперед, а не назад, это был процесс изучения, освоения нового. Авторы этих романов были разведчиками, саперами, людьми, идущими вперед. Это они шли через минные поля неизведанного в литературе, и это они бросали первыми под критические пулеметы, прокладывая дорогу другим.

Что-то с этой трибуны справедливо докладывал на то, что старая писательская гвардия продолжает стоять в стороне от главных вопросов современности, от главнейших тем нашего времени. Конечно, ни Пет I, ни полководцы, ни флотоводцы разных эпох и времен, ни Емелья Пугачев.

Речь Р. ГАМЗАТОВА ДАГЕСТАН

В далеких горах Дагестана есть аулы златогривцев, канатоходцев, лудильщиков. Как ни странно, есть в Дагестане и аул поэтов. В этом ауле почти в каждом доме живет певец. Обыкновенно певец, прежде чем начать петь песню, спрашивает у народа — какую песню петь: о любви или ненависти, о радости или печали? Народ просят петь о любви, но так, чтобы там была и ненависть; петь о ненависти, но так, чтобы там была и любовь; петь о печали, но так, чтобы там было и немного радости; петь о радости, но так, чтобы там было хоть немного грусти.

Эти требования, которые веками предьявлял маленький дагестанский народ к своим аулам и певцам, на мой взгляд, определяют сущность и характер настоящей, большой поэзии. Без боли и без радости не рождаются стихи и поэмы. Поэтому, об этом надо напоминать нашим поэтам каждый день.

Мне думается, не в пользу поэзии идет разделение поэтов на лириков и сатириков. Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Гейне, Шиллер, Шекспир, Блок, Маяковский — все разные поэты. Но попробуйте разделить их — один на сатириков, других на лириков. Это невозможно, ибо, будучи великими сатириками, они являются и великими лириками, и будучи великими лириками, они являются в то же время великими сатириками. Одной и той же иглой шьют в горах и свадебные платья и саван. Так и перо поэта должно передавать все чувства сердца.

Стеней таланта того или другого поэта почему-то мало учитывают при оценке того или иного произведения. Часто хвалят в печати бездарно, неряшливо написанные произведения за то, что они написаны на модные или на нужные темы.

В посленский период мы были свидетелями нескольких кратковременных поэтических кампаний: волго-донская поэтическая кампания, цимлянская поэтическая кампания, каракумская поэтическая кампания, поэтическая кампания во время лесных насаждений. Было нанесено много стихов. А что мы знаем и помним, если не считать талантливых, на мой взгляд, стихов Ольги Берггольц? О стихах, написанных во время таких поэтических кампаний, нельзя сказать, что они идут от большого сердца. Но-моему, они идут от небольшой головы, которая все же знает, что нужно редактору в данный момент. (Аплодисменты). Это спекуляция поэзией. Торгуешь еще зелеными сливами, которые спелать еще.

Многие наши поэты, как мне кажется, в своих произведениях немного хитрят с читателем. Поэты скрывают от читателя свой сокровенный чувства, поэты забывают, что читатель является самым верным другом, которому надо рассказывать все о себе. В произведениях некоторых поэтов читатель не видит характера поэта, его лица, биографии его. Наши читатели любят Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, Маяковского, Есенина и других за их открытость. Читатель знает, кого любил Пушкин, в кого был влюблен Лермон-

тов, ни Степан Разин, ни даже более близкие наши предки не встанут из гроба, не заявят решительного протеста против того, что их не столь полнокровно изображали, как было в действительности, не напишут письмо в газету об искажении их образов. А наш современник очень и очень ренниво относится к тому, как мы о нем пишем.

Здесь, к сожалению, очень мало говорится о писательской молодежи. И говорить о молодежи должны были товарищи Фадеев, Шолохов, Федин, Леонов, Катаев, Гладков. Если среди нас нет сегодня Горького, то они, эти товарищи, должны были предстать тут коллективным Горьким. (Аплодисменты). Этого от них ждали и ждут. И сделать это еще не поздно.

Мы должны, обязаны искать новое в жизни. Мы часто говорим о наших классиках, о том, что мы должны у них учиться мастерству, но у них надо учиться и их страстному интересу к острым проблемам современной им жизни. Без этого не было бы ни Толстого, ни Тургенева, ни Шедрина...

Открытие нового в жизни, видение этого нового — наше писательское призвание, этого от нас требуют читатели, и взрослые и маленькие.

Позвольте я приведу пример с маленьким читателем. Один из московских литераторов рассказывал мне такую историю. Его сынишке прочли сказку, которая заканчивалась словами: «Стали жить, поживать и добра наживать». Мальчишка долго размышлял, а паразамылся, спросил. «Ну и что, они его съели?» — «Скога, Мишенька?» «Ну, этого, добра...»

Он, этот маленький читатель, уже не знает, ни что такое добро, ни как его наживать, вообще не имеет понятия о наживе.

Мне хочется сказать еще об одном. Из речи тов. Эренбурга я понял, что он против остроты критики писателя писателем. Призыв отбросить всякую борьбу в литературе лишь потому, что якобы эта борьба основана на вкусах и больше ни на чем, — это явно неверный призыв. Даже о вкусах, и то мы обязаны спорить. А тем более об объективно живущих в наших произведениях недостатках и ошибках.

Дела советского народа удивляют горю и наши зарубежные гости. Наш долг — нарисовать образ современника в его простом и величественной красоте. Наш долг — верно и неуклонно служить партии в деле коммунистического воспитания народа. Несколько дней тому назад мы получили от партии исторический документ — приветствие Центрального Комитета съезда. В нем очень ясно и точно изложены наши задачи и то, чего ждут от нас партия и народ. Истинным ответом на призыв Центрального Комитета могут быть только наши новые хорошие, страстные книги, книги о правде жизни. (Аплодисменты).

В то время как страдал Блок. Читатель знает историю любви Маяковского. О своей любви, поступках и даже недостатках так открыто писал Есенин. За его открытость читатель прощает ему его недостатки. (Аплодисменты).

А знают ли наши читатели, кого любят или не любят большинство наших поэтов? Почему они скрывают свою любовь от читателей? Стихи о любви — они же очень помогают людям в жизни! (Аплодисменты).

У нас в Дагестане за последние годы мы чувствуем серьезное отставание лезгинской поэзии. Одной из причин этого отставания, на мой взгляд, является то, что почти все лезгинские поэты подражают поэме Сулеймана Стальского. Великий Сулейман создал близкую и понятную родному народу замечательную форму для своих певучих стихов. Эта форма соответствовала идейному содержанию его произведений, да и самому характеру великого аула.

Сулейман Стальский очень шло его большая пахла. Но когда в пахлах аула Сулеймана Стальского начинают ходить редактор альманаха «Дружба» Мурадов, преподаватель Муталимов и Кафланов, хочется сказать им, что эта пахла им велика — найдите себе другую папаху. (Аплодисменты).

За последние годы очень снизилась требовательность поэтов к себе и друг к другу. Я знаю многих молодых поэтов, которые во время учебы в Литинституте вместе со мной писали очень хорошие стихи, и эти стихи обратили на себя внимание читателей. Но потом, после нескольких творческих командировок, они изменили своему таланту в результате торопливо написанных циклов стихов. К сожалению, этим поэтам свои первые талантливые стихи начепают в журнале или в газете бывает в тысячу раз труднее, чем позже написанные плохие стихи. К молодому поэту, пришедшему с первыми своими стихами, предъявляют больше требований, чем к известному поэту. Но-моему, должно быть наоборот.

Серьезно меняют росту и развитию нашей многонациональной советской поэзии те стихи, которые до сих пор делали и делают поэтам национальных республик и областей. Я думаю, мы, поэты братских республик, нуждаемся не в ложных похвалах, а в серьезном разборе, серьезной учебе. Мы хотим учиться у русских писателей. Но так захвалили некоторых национальных поэтов, что они чувствуют себя учителями русских писателей. (Аплодисменты).

Если по отношению к нам будет настоящей критикой, вот тогда мы скажем, что в национальных республиках растет настоящая, большая поэзия. Разве не об этом роте свидетельствует появление в литературе представителей таких молодых национальностей, которые наследуют Дагестану? Меня часто спрашивают: почему так много национальностей в Дагестане? Я всегда отвечаю на этот вопрос маленькой легендой дагестанского народа, в которой рассказывается, как жгит, разваливший народом ира языки, бросил пепел мешок жаром

в глубокие дагестанские ущелья: «Сами разбейтесь!».

И дагестанцы, лишенные дагестанского языка, стали разбираться. Меньше миллиона населения стало говорить на 36 разных языках. А что касается письменности, то дагестанцы тысячи веков стояли за ней в очереди.

Октябрьская революция своим дыханием растопила вечные льды Дагестана. И теперь я могу сообщить, что к маленькому аулу, куда дороги не нашел тот знаменитый жгит с мешком языков, теперь наши дороги и Пушкин, и Лермонтов, и Низами. В горах, в ущельях вы можете слышать песни России, Украины, Грузии, Армении, Азербайджана. В далеких дагестанских

Речь Мариэтты ШАГИНЯН МОСКВА

Когда я слушала обстоятельный доклад Б. С. Рюрикова, где все как будто охвачено и упомянуто, мне начало мало-помалу казаться, что главная функция критики — это критиковать критиков и разоблачать их неверные теории и ошибки. Предмет же критики, сама художественная литература, как-то ступенчалась. И в мою голову закрадась еретическая мысль — не являются ли перманентная слабость и отставание нашей критики, о которых мы говорим 벌써 двадцать лет, результатом этой хронической привычки критиков разоблачать самих себя, а не раскрывать явления художественной литературы. (Аплодисменты).

Люди моего поколения учились искусству читать. Они воспринимали образы литературы через блестящие образцы критики, которую мы сейчас называем классической. Когда мы проносили дорожку для нас имя «Пушкин», оно вставало перед нами в свете критики Бетлинского; когда мы думали о Батине Островского, то почти зримо, пластически возникал в нашем воображении светлый луч в темном царстве из статьи Добролюбова. Гоголя мы раскрывали для себя через знаменитую серию статей Чернышевского. Мы храним в памяти всю литературную эпоху 50-х и 60-х годов, как нечто могуче-слитное, потому что усилиями многих критиков произведения тех лет были раскрыты перед читателем в основной проблеме эпохи — в свете борьбы великой русской литературы за освобождение крестьян.

Эта работа критики создала на долгие годы традицию определенного чтения и понимания образов литературы.

Так обстоит и с изучением древних и западных литератур. Ни образ Гамлета, ни образ Дон Кихота не созданы из поколения читателей сразу и непосредственно, через первое чтение. Мы восприняли эти образы через огромную аналитическую и обобщающую работу критики, давшей на десятилетия их проблемное раскрытие. И когда новая социальная эпоха бросает свой критический свет на те же образы и тех же писателей, то, усваивая новое критическое раскрытие знакомых ценностей, мы преодолеем не только наше непосредственное понимание любимых книг, но и весь большой мир старых ассоциаций, статьи, которые мы эти книги научились познавать. Так, статьи Ленина о Лже Толстом сделали для нас новым раскрытием образов Толстого, статьи Энгельса о Гюне, писанное советская социальная трагедия Гете, сделались для нас пересмотром огромной, десятки лет создававшейся работы критиков над построением гармонического образа Гёте-олимпийца. Но ведь все это значит, что критика — явление глубоко творческое. Это значит, что критика участвует в эпохальном раскрытии образов, созданных литературой, а значит, и в историческом становлении этих образов в восприятии человечества.

Спросим себя: имеем ли мы сейчас такую творческую критику? Участвовала ли она в историческом становлении образов советской литературы за истекшие 37 лет? Дело тут не в добросовестных работах и исследованиях, которые у нас, разумеется, есть. И имею в виду статьи, которые сразу вспыхнули бы в памяти как соответствие литературы. К сожалению, их нет, как нет до сих пор и выдающихся работ, анализирующих и обобщающих весь опыт советской литературы. И это отразилось и на докладах.

Можно ли, например, допустить, чтобы докладчик по образному искусству, анализируя успехи этого искусства за 20 лет, говорил только о живописи, совершенно позабыв о графике? А вот в докладе по советской литературе почти ни слова не сказано об одном из важнейших жанров нашей литературы — об очерке, о целой армии советских очеркистов, требовавшие и плодотворно работавших в этом жанре, создавших именно за эти 20 лет целую эпоху школу; не сказано и о писателях, заложивших основы советской научно-художественной и прикладной критической литературы, в жанре которой, кстати сказать, только что начата новая ирехосодная повесть «Зеленый дуб» такого настоящего писателя, как Леонид Соболев. Книги эти любимы читателем, в большом числе переводятся и издаются за рубежом, выдерживают по несколько изданий, и несмотря на такую большую, нужную нашей Родине работу, на съезде почти ни слова не было о ней сказано, не говоря уже о серьезном анализе художественных особенностей советского очерка.

Мне кажется, помимо таланта, вкуса, без которого лучше вообще не писать о форме, хорошем знании жизни, большой и широкой образованности, критик должен, при выказывании своих оценок, быть **страстно убежденным** в этих оценках и готовым отстаивать свое убеждение всем арсеналом духовного оружия, каким он располагает.

Между тем, именно эта страстная убежденность отсутствует у нас. Она из года в год подтачивается в наших критиках тем отношением к предмету оценки, какое можно назвать «копьюнатурным». Единственное нашей критики, когда речь идет о лавном идеологическом и политическом прочтении вещи, — это **большая сила**: она правильно воспринимает мнение народа. Но вот перо наш обычный роман хорошего писателя. Сегодня он расценивается критикой, а за нею — библиотекарями, издавателями, редакторами, как хороший. Завтра появляется оценка его в прессе, как

плохого, и вдруг, словно по волшебству, меняется все вокруг. Те, кто защищал и хвалил роман, выступают против него; библиотекари, издательства и редакторы подчиняются приговору, как если бы речь шла о юридическом постановлении. И у критика, знающего, что роман хороший, знающего, что люди против него неубедительны и бездоказательны, не хватает простого гражданского мужества встать на защиту романа и страстно за него бороться. (Аплодисменты).

Тем самым критик показывает, что ему, в сущности, очень мало дела до действительной оценки вещи, до ее правильного раскрытия; а главное, к чему он стремится, — это попасть в тон устанавливающейся конъюнктуры, часто вызванной даже не самим произведением, а побочными обстоятельствами, например, личным мнением отдельных членов секретариата Союза писателей.

И вот, сила единогласия нашей критики — факт партийной солидарности, — от **произвольного** ее применения превращается в свою **противоположность**, в факт отрицательный, воспитывающий в критике вместо партийного единогласия, основанного на глубокой проанализированности, — беспринципную конъюнктурность, готовую с быстротой хамелеона применяться к любым обстоятельствам.

С этим явлением конъюнктурности и беспринципности надо жестоко бороться, потому что оно уничтожает всякую возможность воспитания творческих критиков — борцов за большое искусство нашей эпохи.

Так произошло, например, с последним романом В. Панова «Времена года». Если и можно было ее винить в налете авторского субъективизма, то это могло бы быть в какой-то степени справедливо лишь по отношению к первым ее романам. Однако эти романы, сразу завоевавшие любовь читателей, никакой критике, никакому серьезному разбору подвергнуты не были. Но сама В. Панова, художник тонкий и взвучивый, несомненно, знала о слабых сторонах своего большого дарования и стремилась преодолеть их, — она работала над новой вещью около четырех лет, вложила в нее куда больше знания жизни, глубины, страсти, нежности в первые вещи, и «Времена года» отразили эту большую работу писательницы.

А что сделала критика? Именно этот роман, где В. Панова сделала шаг вперед; где ее авторское «я» присутствует гораздо более определенно и заинтересованно, нежели в первых романах; где она особенно творчески потрудилась над материалом, — был опорочен несправедливой статьей Кочетова.

На Первом съезде писателей мне пришлось говорить о том, какую пользу принес бы нашей критике одновременный анализ схожих явлений в литературах братских национальных республик и в русской советской литературе. Сейчас мы хотим обратить внимание критики на пользу привлечения ее для анализа и произведений творчески потрудились над материалом, — был опорочен несправедливой статьей Кочетова.

На Первом съезде писателей мне пришлось говорить о том, какую пользу принес бы нашей критике одновременный анализ схожих явлений в литературах братских национальных республик и в русской советской литературе. Сейчас мы хотим обратить внимание критики на пользу привлечения ее для анализа и произведений творчески потрудились над материалом, — был опорочен несправедливой статьей Кочетова.

Возьмем, к примеру, проблему «эпохального героя», в которой мы столько путались. О чем шла у нас речь? О создании образа абстрактного человека, наделенного, с педагогической целью, абстрактными добродетелями, или о том, чтобы воплотить эпохальные черты того нового представителя человечества, который стал активным творцом истории? Ведь для нас это не новый вопрос. Вспомните, как писал Чернышевский о зарождении нового типа человека: Мало их, и «они не имели счастья ни в чем, кроме одной черты... Мало их, но им расцветает жизнь всех... Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теия в она, букет в благородном вине; от них ис сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли». Чернышевский не называет тут прямо, какая же **одна черта** родит этих самых разных, но обоенных людей. Но мы знаем ее. О ней сказал И. В. Сталин, когда назвал большевиков людьми особого склада. Эта черта — **способность взять на себя ответственность за движение истории вперед и безошибочно повести за собой массы**. Вот эту драгоценную черту высказывает наша партия в людях, формируя свои ведущие кадры. Эта драгоценная черта должна быть находима нами в том подлинном герое, которого мы ищем.

Разве Павли Корчагин был замечательным тем, что он был храбрым, умным, добрым, патриотом, верным сыном Родины? У нас тысячи, сотни тысяч храбрых, умных, добрых, патриотов, верных сынов Родины. Но Павли Корчагин на каждом переломном этапе жизни своего коллектива, на каждом серьезном переломе нашей советской жизни умел выбрать правильное решение и повести за собой других — и это и было в нем главной чертой положительного героя.

Посмотрите, как жадно ищут прогрессивные романисты Запада именно эти черты нового исторического склада в людях. Луи Арагон пишет целый роман о коммунистах. Английский писатель Джек Линдсей, от поисков много лет назад нового типа че-

(Окончание на 6-й стр.)

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Речь Мариэтты ШАГИНЯН

(Окончание. Начало на 5-й стр.)

века в сложной и противоречивой фигуре Джордано Бруно, приходит к образу английской девушки-коммунистки в своем последнем романе «Минута выбора», и в этой девушке он подчеркивает цельность характера, дисциплинированность и умение решать.

Мне пришлось только что прочитать роман молодого немецкого писателя Эрвина Штримматтера «Иоганниск воле». Это рассказ о медленном изменении психологии бедного деревенского мальчика-братца, будущего активного творца истории, о постепенном революционизировании его сознания. Тема близка нам, и с какой художественной силой, как просто и тщательно, мазок за мазком, короткими, сжатыми, сильными фразами это написано! Читая, я думала — автор все это пережил лично, он носит в своем воображении, в своем сердце огромнейший материал, знакомый ему с той абсолютной точностью, при которой не может измениться память, не может вдруг не найтись под рукой нужная краска или образ. И автор именно от изобилия прочно усвоенного, никуда не исчезающего из памяти материала — начинает воле-неволею экономять средства выражения, обобщать эти средства, чтобы суметь передать большую массу реального мира в короткой художественной формуле, замыкающей ее чрезмерность.

Думаясь невольно — школа мастера начинается с отбора, с поисков экономящих средств выражения, но она может начаться лишь в том случае, если писатель располагает огромными массами узанного, пережитого, продуманного, прочитанного, понятого на широком фоне больших событий эпохи. Лишь имея материал в избытке, зная его прочно и точно, можно начать свою работу мастера. Потому что, ведь, в каждом деле — от глины мрамора для скульптора и до куска кожи для закройщика обуви — материал должен быть с припуском, должен быть больше того, что хотим из него сделать резец скульптора или нож сапожника. Вот и приходит в голову

Речь Н. БАДАНО БУРЯТ-МОНГОЛИЯ

Бурят-монгольская советская литература является детищем Великого Октября. Огромное влияние оказала на ее формирование великая русская классическая и советская литература — произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Льва Толстого, Шестрина, Чехова, Горького, Маяковского, А. Толстого, Шолохова, Фадеева и других писателей. На первом всесоюзном съезде писателей наша молодая литература была представлена лишь несколькими писателями и немногими художественными произведениями. Годы бурного расцвета бурят-монгольской советской литературы явились двадцатилетие, прошедшее между Первым и Вторым съездами писателей. Успех бурят-монгольской литературы являются частью успехов, достигнутых всей нашей советской литературой. Эти достижения отражены в докладе и содокладах. Но нам кажется, в них мало уделено внимания литературе автономных республик, областей, например, Бурят-Монгольской, Якутской, Тувинской, Читинской, Хабаровской и других.

За двадцать лет появилось у нас, в бурят-монгольской литературе, немало книг, получивших широкое признание читателей. Это прежде всего роман Яма Намсарева «На утренней заре», роман Хломы Тумунова «Степь прогнусала» и роман Чимита Цыдендамбаева «Дорж, сын Банзарга». Писатели республики продолжают напряженно творческую работу. В этом году вышли на печать романы Михаила Толкача «Большая гора», Сергея Кузнецова «Одной дорогой». Чимит Цыдендамбаев выпустил поэму «Сонем Гармаев». Эти произведения отражают индустриальный рост Бурят-Монголии.

Мы постоянно ощущаем заботу и внимание ЦК Коммунистической партии Советского Союза о развитии бурят-монгольской советской литературы. С 1955 года в республике будет издаваться общественно-политический и литературно-художественный журнал «Свет над Байкалом», который будет выходить на двух языках. Мы надеемся, что журнал сыграет большую роль в дальнейшем развитии нашей литературы.

Несмотря на успехи, бурят-монгольская литература серьезно отстает от высоких требований народа. Большая часть писателей недостаточно полно отражает в своих произведениях исторические задачи, поставленные партией и правительством в области быстрого повышения народно-государственного и крупного подполья всех отраслей сельского хозяйства. Самым неоперативным у нас такие «оперативные» жанры, как очерк, рассказ. В неудовлетворительном состоянии находятся бурят-монгольская драматургия, детская литература, литературная критика. Мы знаем эти недостатки и прилагаем все силы, чтобы решительно исправить положение.

Мне хочется сказать о нуждах местных организаций Союза писателей. Двадцать лет прошло, как был создан Союз писателей Бурят-Монголии. За это время наши ряды пополнились новыми писателями. Приток молодых сил в литературу продолжается. Достаточно сказать, что число активно пишущих молодых писателей превышает число писателей старшего поколения.

Однако известно, что у нас в республике издается еще мало книг. Можно ли удержать в этом только наших писателей, если, к примеру, в издательском плане Бурят-Монгольского книжного издательства на 1955 год запланировано только 132 печатных листа художественной литературы, несмотря на значительный объем готовых к изданию рукописей. С трибуны съезда мы ставим вопрос о необходимости решительно расширить объем издания художественной литературы в республиках, краях и областях.

настойчивая мысль: не потому ли кое-кто из нас стал писать слабо, не потому ли появилось у нас так много серых, растертых, аморфных книг, не могущих окончиться в одном томе, — что материал у писателя для романа имеется не только не с припуском, а, что называется, в обрез, и не очень усвоен, и не очень знаком, и не пережит всем творческим темпераментом, не отражен большой, найденной тодами, продуманной системой идей.

И тут-то, вместо школы мастерства в работе над этим скудным материалом, он начинает ли автор приспосабливать к нему побольше, чтобы возместить его нехватку, и раздувает, раздувает книгу до рыхлости и серости, пытаясь прикрыть отсутствие глубины картинными кусками плохо усвоенной жизни?

Товарищи! Указание Центрального Комитета нашей партии в его приветствии съезду, что советская литература, вдохновляя зарубежных писателей на создание нового, передового искусства, сама обогащается, используя лучшие достижения прогрессивных иностранных писателей, сама должна использовать ценный опыт зарубежных друзей в борьбе за высокое художественное мастерство, — это указание дается нам мудро и во-время.

Культура — явление не только отборное, но и собирающее. Она никогда не может расти и развиваться на одних «натях». Ленин в контексте книги Гегеля «Наука логики» написал замечательные слова:

«Не голос отрицание, не зрительное отрицание, не сентиментальное отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике, — которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент, — нет, а отрицание, как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного т. е. без всяких колебаний, без всякой эластичности. Вдумайтесь! Для Ленина момент удержания положительного при отрицании существует даже для самого факта отрицания. Запомним эти великие слова Ленина в нашей критической работе! (Аплодисменты).

Речь К. ФЕДИНА МОСКВА

Товарищи и друзья! Советская литература — явление новое в истории человечества, составная часть новой культуры, которая возникла и зреет, как плод величайшей в мире благодетельной социальной революции. Советская литература — фактор социальный, служащий переустройству старого общества и организации новой жизни, достойной человека.

Организуя роль советской литературы становится все значительнее. Сила воздействия нашей литературы на сознание человека, на его душевную деятельность быстро растет. Факт этот неоспорим.

Но именно неоспоримость факта толкает противников советской литературы опускать те качества, которые составляют ее силу.

Силу ее составляет прежде всего непосредственная связь художника с действительностью. Но как действительность наша — это социалистическое общество, строящее коммунизм, то наши противники, обращая свои стрелы против советской литературы, ведут на самом деле борьбу с новым в истории социалистическим обществом. Разумеется, борьба ведется с платформой «эстетизм», причем употребляется достаточно изысканный способ: под видом критики художественных сторон произведения наши противники стремятся скомпрометировать его существование. Надо признать работу противников советской литературы очень нетрудной. Чаще всего они выстраивают отдельные слова или фразы из наших самокритических выступлений и торжествуют: «Вот видите, — говорят нам они, — вы же сами недовольны уровнем художественности нашей литературы, сами признаете ее недостатки и слабые стороны, и значит мы правы — писатели могут творить свободно только у нас, на Западе, а у вас, на Востоке, они творят свободно не могут».

Для людей нервозных может возникнуть соблазн: уж не откажутся ли нам, советским писателям, от критики собственной литературы, чтобы не давать дешевой хлеба нашим западным противникам? Но нет, мы не откажемся от критики своей собственной литературы. Два существенных обстоятельства мешают нам это сделать. Во-первых, самокритика в советском обществе являлась всегда и будет вперед движущим рычагом строительства этого общества; а во-вторых, стоит нам только отказаться от самокритики или даже только смягчить ее из опасения поддаться к столу наших противников приятный десерт, как сейчас же западные комментаторы почувствуют прилив свежих торжествующих сил. «Мы же всегда говорили, — скажут они, — что большевики запрягают нам свободное критиковать советскую литературу!»

Нет, мы не собираемся отказываться от права, которое нам принадлежит, — от права критиковать нашу литературу без самообольщения, без зазнайства, не преувеличивая, однако, и не преуменьшая цену ее идейно-художественных завоеваний. Мы только не доставим нашим противникам удовольствия, которое они тщатся от нас получить: мы никогда не будем критиковать советскую литературу с позиций ее врагов.

Сейчас мы стоим перед задачей подняться на высшую ступень качественного развития нашего литературного искусства. Решая эту задачу, мы обязаны увеличить требовательность к таланту писателя и прежде всего — достичь в своих произведениях органичного единства формы и содержания. Это — основа эстетики, и это должно быть эстетической основой в практике художника.

Говорить о форме художественного произведения — значит бы углубиться в вопросы технологии писательского искусства. При явном, насущном для нас значении этих вопросов невозможно ставить их во всех сложных частностях перед огромной аудиторией съезда. Мне хочется только еще и еще раз обратиться к нашим товарищам критикам с призывом отдавать достоящее место в каждой из своих работ анализу формы расматриваемого произведения; обратиться к теоретикам с призывом разрабатывать проблемы формы художественного произведения всех жанров и делать это глубже, чаще, смелее.

Надо заявить с трибуны съезда, что разработкой проблем художественной формы ничего общего не имеет с «формализмом». Формализм есть отрицание идеологической природы искусства и отказ от принципа единства содержания и формы. Пренебрежение, отказ критики от анализа формы есть формализм наоборот, то есть урон идейности советской литературы.

Выступления с этой трибуны, посвященные вопросам качества советской литературы, служат тому, чтобы добиться от всех писателей перелома в отношении к проблемам формы произведений и тем самым несправедливо повысить идейно-художественный уровень всего нашего писательского искусства. (Аплодисменты).

Мы не хотим и не можем оставаться в прежней, уже достигнутой ступени развития нашего искусства. Нам надо и мы обязаны быстрее двигаться вперед и полагаться выше. Для того и съездили в Москву писатели 45 советских национальностей. За нашим съездом стоит вся масса литераторов Союза ССР, трудами и талантами своими создавших великую советскую художественную литературу. Они готовы совершить то, к чему призывает их съезд.

За работой, происходящей в этом Колонном зале, следят не только советские писатели. В ней участвуют с живым интересом и сочувствием присутствующие здесь зарубежные гости. В ней участвуют душой также те друзья нашей литературы, которые рассеяны по всем странам мира и которых стало так много среди родственно близких литератур стран народной демократии.

Любовь к советской литературе и симпатии к ней за рубежом, высоко ценимые нами, не могут быть, конечно, окрашены повсюду в один тон. Понимание явлений литературы складывается исторически в зависимости от особенностей национальных культур. При многих сходствах су-

ществуют различия представлений о прекрасном, и, скажем, пристрастия, вкусы, распространенные во Франции, не во всем совпадают с теми, которые обычны в скандинавских или в славянских странах.

Тем более то, что отличает советскую литературу от литературы капиталистических стран и что очень близко сердцу советских писателей, не всегда может быть воспринято одинаково и понято верно писателями на Западе, даже если они хорошо расположены к нам.

Два года назад в Лондоне один молодой английский писатель сказал мне: «У вас в России судят об английской жизни по Диккенсу. Это ошибка. Диккенс весь в середине XIX века. В современной Англии ничего от него не осталось».

И ответил: «Вы только что в нашем разговоре судили о русской жизни по Достоевскому. Это ошибка. Он писал в одно время с Диккенсом. В современной России осталось от Достоевского куда меньше, чем в Англии от Диккенса». (Аплодисменты).

Английский писатель задумался. Я, на его месте, вероятно, тоже задумался бы. (Смех).

Мне кажется, у нас с нашими зарубежными друзьями происходит все еще мало писательских разговоров. Даже важные литературные темы остаются недостаточно раскрытыми.

Животрепещет и наиболее часто поднимается зарубежными писателями в беседах с нами тема социалистического реализма. Вот вопрос, уже во время съезда заданный нашим другом, французской писательницей Эльзой Триоле, находящейся в зале: «...Что такое советская литература, во что воплотился метод социалистического реализма?». Этот свой вопрос Эльза Триоле адресовала советским писателям в газете. Выступая здесь перед нами, она заявила о том, как дорог зарубежным читателям образ человека нового мира, правдиво запечатленный в книгах советских художников. Этим она ответила сама на вопрос: «что такое советская литература?».

Очевидно, в образе человека нового мира, запечатленном в лучших наших книгах, и воплотился метод социалистического реализма. Да так и должно быть, потому что в составе понятия «социалистический реализм» определение «социалистический» является ведущим.

Сущность художественного произведения раскрывается в его содержании, а содержание не может быть передано без определенного отношения к нему художника. Это отношение художника к содержанию произведения выражается как в плане идеологическом, так и разнообразными средствами формы.

Но нельзя думать, что отношение художника к содержанию может быть выражено лишь одним средством формы. Когда говорится о социалистическом реализме, как методе, это не значит, что художнику предлагается некий готовый орден литературной формы.

В самом широком смысле произведение социалистического реализма должно отвечать именно требованию создания образа человека нового мира. Под понятием «нового мира» у нас подразумевается мир социализма, и мы стремимся изобразить этот мир самыми различными приемами реалистического искусства.

Человек нового мира живет и в странах капитализма. Но направление своих идей он связан с нашим героем, и задачи его жизни родственны нашим. Но в каждой определенной стране он действует в исторически особой обстановке и представляет собой национальный тип. Художник отражает конкретный исторический мир каждой отдельной страны, каждой нации и делает это посредством тех приемов реалистического искусства, которые особенно близки каждой отдельной национальной культуре.

В силу этого искусство социалистического реализма дает свои плоды и открывает великие будущие для литературы всех стран, независимо от того, какой этап своей истории они проходят.

И говоря о разнообразии приемов реалистического искусства, потому что реализм на протяжении своего развития выработал богатое множество творческих приемов и несколько не исключает разнообразия формы. Мысль мою легче всего показывает пример советской поэзии, где образ нового человека нашего мира реалистически дан такими несхожими стилями, в такой несхожей форме, как в поэмах Маяковского, Тихонова, Твардовского. То же самое можно ясно видеть и на примере романов Шолохова и Леонова.

Но когда мы спрашиваем — что такое социалистический реализм, а мы отвечаем — познаемостью с совокупностью лучших произведений разных советских писателей, мы часто влияем на лица наших собеседников разочарование.

От нас ждут рецептуры! И что удивительно: чем больше зарубежный писатель говорит о том, что искусство свободно, а мы, советские писатели, вынуждены искусством и регламентируем его, тем более он настойчив и даже агрессивен в своем требовании, чтобы мы в конце концов дали ему совершенно точный ответ — что же такое социалистический реализм и как этим методом надо оперировать! (Смех, аплодисменты).

Мне кажется, отчасти под названием своей агрессии такой писатель и получает иногда нечто похожее на рецепт: в социалистическом реализме требуется 50 запятая ноль — положительного героя, 5 запятая ноль — отрицательного героя, 5 запятая запятая ноль ноль общественных противников, единица запятая ноль ноль вдохновенной романтики. 100 запятая ноль альфа дигиталита. (Смех, аплодисменты).

Репертами искусству не создается. Литературец может написать исследование: «Как сделан роман «Дон Кихот», но от этого мы не будем знать, как сделать роман «Дон Кихот». (Аплодисменты). Художник вечно вынужден сам, талантом и трудом «изобретать» свое произведение. Если он на это не способен, он будет в лучшем случае размножать копии.

Общая картина советской литературы содержится в самой советской литературе — в совокупности ее наиболее характерных произведений. Но нам говорят: дайте эту картину так, чтобы мы имели о ней представление, как мы имеем сегодня представление о романтизме, символизме и пр.

Конечно, это естественное желание и это серьезная задача для советских литературоведов. Но если эта задача будет выполнена и мы получим общую картину советской литературы в книге литературоведа, рецепт создания литературы социалистического реализма останется не написанным.

Создание такой литературы есть процесс непременно конкретно-исторический для жизни каждой нации. Он обусловлен связью литературы с развитием того нового человека, борьбой и усилиями которого движется прогресс. Сам писатель воспитывает в себе этого нового человека, становится им и вносит новое в свое искусство.

Определения романтизма, символизма, как литературных течений, сформулированы были не один раз (и, надо заметить, достаточно путанно), общая картина этих течений дана в литературе широко, мы действительно имеем о них известное представление.

Но все ли этим сказано? Ведь несмотря на то, что картина этих течений дана, отношение, скажем, к романтизму в разных странах, в различных литературных организациях, группах, школах, выражающих идеологию разных общественных классов, совершенно различно. Вспомните недавнюю литературную войну во Франции вокруг имени Виктора Гюго. Многие писатели Франции, имеющие, конечно, свое представление о романтизме, заявляли, что Гюго отжил.

И помните, что в Советском Союзе произведения Гюго издаются тиражом больше 8 с половиной миллионов. (Аплодисменты). Это говорит о вкусе, об интересе нашего читателя, но это также говорит и об отношении к романтизму советских литераторов. Вспомните, как — по традиции — относится английский читатель к Байрону, а посмотрите, что значит романтизм Байрона для русской традиции, для советских писателей и наших читателейских масс. (Аплодисменты).

Формулы, определяющие литературные течения, должны содействовать выработке наших представлений об искусстве, литературе. Но живое отношение к литературе дается нам самим искусством, фактами, то есть произведениями писателей, всем духом и сердцем самих художников.

Советский художник стал художником социалистического реализма в силу того, что принадлежал и принадлежит народу, строящему коммунизм.

История советской литературы должна начинаться с рассказа о том, как старшее поколение писателей сражалось на фронтах гражданской войны, служило в Красной Армии, работало в только что основанных учреждениях власти рабочих и крестьян. Эти первенцы нашей литературы буквально рождены революционным народом.

Но они явились не на пустом месте. Позади стояла история великой русской литературы классовая и традиция писателей-демократов, и мы должны здесь сказать от всей души спасибо великому нашему другу Максиму Горькому, который утверждал славя нарождавшуюся советскую литературу в ее праве на преемственность традиции и в ее обязанности перед русской и мировой литературой классовых. (Аплодисменты).

Горький художественными образами творчества своего заложил краеугольные камни социалистического реализма, и понять это течение без знания Горького нельзя.

Еще без единой книги наши первые писатели познавали свой народ на фронтах гражданской войны, а в эти годы всей предположительной русской литературе надо было решать, какой стороне отдают она свое перо.

Мы помним, как бесстрашно порвал свои старые связи с бывлой литературой Серафимович.

Помним свою решительные ступень, которые, почти один против всех, вел молодой Маяковский. (Аплодисменты).

Помним прекрасный и трагический голос Александра Блока, призывавшего слушать музыку революции. (Аплодисменты).

Помним трезвый, глубоко продуманный и бесповоротный шаг Брысова на старой литературе символизма в неизданный мир нови. (Аплодисменты).

Каждая биография говорит нам, насколько по-разному приходили писатели к советской литературе и как различны отвлеченные ее таланты — Ольга Форш, Ирина, Тренев, Вересаев, Шшишков и вот Алексей Толстой — большой русский советский писатель. (Аплодисменты).

Подвиганный в начале революции волею эмигрантской литературы, Толстой уже за границей написал книгу, до сих пор любимую советским читателем, и первый возвратился на Родину, которой с разностью служил и которую воспевал до конца своей жизни. (Аплодисменты).

В массе своей литературная эмиграция быстро перестала существовать даже как плохонкое искусство. Физические остатки ее вымерли или продолжают вымирать.

Возвратился, чтобы освободиться от невыносимой тоски по родной земле. Куприн — писатель яркой окраски реалистического таланта, широко у нас читаемый. (Аплодисменты).

Недостаю сил, уже будучи советским гражданином, вернуться домой Ивану Бунину — русскому классику рубежа двух столетий... (Аплодисменты) ...которые оста-

вался реалистом и в прозе, и в поэзии той поры, когда господствовала мода на декаданс. Не следует, по моему мнению, отуждаться Бунину от истории русской литературы... (Аплодисменты)... и все ценное из его творчества должно принадлежать читателю так, как принадлежит лучше из наследия Куприна. (Аплодисменты).

С тех лавных пор, о которых я вспоминаю, пройди долгий, трудный, но действительно славный путь, на передовую линию литературы вышли невиданные по всему душевному складу, по художественным качествам, по свежести зарываний писатели, сотни имен которых звучат сейчас на нашем съезде, как повсюду знакомые и возные бесчисленным армиям читателей.

Было время, когда задавался вопрос: «Советская литература — что это такое?»

Теперь нет в мире книжной лавки, где каждый день не задавался бы пролаву другой вопрос:

«А что у вас есть из советской литературы?» (Аплодисменты).

Наше литературоведение разрабатывает сейчас материалы к истории советской литературы. Надо уделить много внимания восстановлению и анализу обстановки, в которой зачиналось советское литературное движение. Нужны главы о жестокой борьбе, о противоречиях в жизни искусства периода гражданской войны и начала двадцатых годов, о друзьях советской литературы и ее врагах. Иные молодые писатели по истории фактов должны судить о сложности развития, роста и достижений литературы, в которую они готовятся вступить.

История — это не только научная дисциплина, она надежный воспитатель, а воспитание литературной смены — это жгучая проблема нынешнего дня, не говоря об отдаленном будущем. История советской литературы будет также верным спутником зарубежных наших друзей, той беседы с ними, которую мы, всегда торопясь, не успеваем довести до большого результата в нашем общении.

Мы ставим себе задачей, чтобы наши книги были голосом советских народов. Поэтому главным темами нашими являются мирное сознание социалистического общества, строящего коммунизм, труд и культура, дружба народов, безопасность и защита Родины.

Народность советской литературы засвидетельствована тем, что в книгах наших отражена шаг за шагом жизнь советского человека в мире и войне.

Иные небо мира опять заводилось мрачными тучами. Мы отстаиваем мир и хотим служить его победе всеми силами души. Но если совершится злодейство и будет развязана новая мировая война, советские писатели отдают в помощь социалистическому Отечеству свои дарования, свое искусство, свои жизни так же беззаветно, как они отдавали их в прошлой войне с германским фашизмом до его разрома. (Аплодисменты).

Товарищи, мне хочется дополнить речь еще несколькими словами.

Шолохов, выступая здесь, заявил, что хочет сказать о том, что он думает о нашей литературе и что не может не волновать всех нас. Действительно, он сказал о чрезвычайно важном факте — о падении требовательности к себе, установившемся среди писателей, и о «снижении художественной ценности произведений».

Было очень важно глубоко раскрыть истинные причины такого, тревожащего нас, факта последнего времени, и голос большого художника Михаила Шолохова, его мнение были бы в этом вопросе очень дороги для литературы.

В большом сожалею, Шолохов этого не сделал.

Я никогда не поверю, что он вполне серьезно считает причинами снижения художественной ценности произведений такие вещи, как существовавшая до последних лет местоположенность литературных премий или их распространение писателей в близком либо дальнем сосетстве, или протектирование одним редактором — Симоновым другого редактора — Рюрикова, или даже на самом деле вредное и отвратительное явление групповщины в писательской среде.

Слов нет, практику премий надо основательно пересмотреть (да она уже практически пересматривается); с протектированием следует бороться; групповщину необходимо положить конец. (Аплодисменты).

Но, на мой взгляд, эти вопросы нельзя делать центральными, когда говорим о насущнейшем деле всей советской литературы. (Бурные аплодисменты).

Поставленный Шолоховым главный вопрос остался в его речи без ответа. Зато у многих создалось впечатление, что мешающая работе Союза писателей и жизни литератора групповщина превращена теперь в дубину, которой устрашало размахивает даже выходящийся и общепризнанный русский советский писатель. После речи Шолохова мы будем бороться в одной комнате больше двух писателей вместе. (Смех, Аплодисменты).

Будем бороться, что на съезде с нами начнут разговаривать таким языком, каким говорил Шолохов с Симоновым. Это какой-то особый язык. Может быть, не тот, о своем пезнании которого заметил Шолохов в сомнительной реплике по адресу Эренбург, но, однако, и не тот, на котором говорят и хотели бы также говорить советские писатели. (Аплодисменты).

Испуг перед групповщиной, с которой мы серьезно решили покончить в своей среде, может привести только к тому, что и дружественная солидарность Шолохова с Олещиптым покажется всем нам не чем иным, как проявлением групповщины. (Аплодисменты).

Конечно, не этого хотели вы, Михаил Александрович, и мне только остается пожелать, что вы не исполняли того, что обещали съезду в начале своей речи. (Продолжительные аплодисменты).